

А. А. ГОСТЕВ

**ГЛОБАЛЬНАЯ
ПСИХОМАНИПУЛЯЦИЯ
психологические
и духовно-нравственные
аспекты**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

А. А. Гостев

**Глобальная психоманипуляция.
Психологические и духовно-
нравственные аспекты**

«Когито-Центр»

2017

УДК 159.9
ББК 88

Гостев А. А.

Глобальная психоманипуляция. Психологические и духовно-
нравственные аспекты / А. А. Гостев — «Когито-Центр», 2017

ISBN 978-5-9270-0345-7

Тема информационно-психологических психоманипулятивных воздействий на современного человека раскрывается в монографии как многоплановая психологическая проблема. Значительно расширено предметное поле исследования, анализ производится с привлечением междисциплинарного знания, с включением проблемы в глобальный контекст. Помимо традиционных тематик массмедиа, рекламы/маркетинга, политтехнологий, большое внимание уделено изучению воздействия новых информационных технологий, рассмотрению основных сфер современной глобальной психоманипуляции, анализу информационно-психологических войн за историческую память, за управление социальным восприятием происходящих в мире событий и видением людьми будущего. Показана особая роль духовно-нравственного фактора (религиозного сознания) как в усилении возможностей современной тотальной психоманипуляции, так и в противодействии ей. Книга адресована широкому кругу специалистов в различных областях психологической науки и гуманитарного знания в целом.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0345-7

© Гостев А. А., 2017

© Когито-Центр, 2017

Содержание

Предисловие	7
Введение	17
Глава 1. Многомерная и многоуровневая тотальность психологических воздействий в современной информационной среде	29
1.1. Социальное восприятие как объект психоманипуляции	29
Мифологические и символические представления	32
1.2. Общие сведения о психоманипулятивных информационных воздействиях	34
1.3. Психологическое воздействие как информационное оружие	38
Об истории вопроса и дефинициях	41
О некоторых других свойствах информационно-психологического оружия	44
«Окна Овертона»	46
1.4. Психические процессы в психоманипуляции	48
Духовно-нравственный аспект вопроса	52
1.5. Подмена понятий: «психоманипулятивная герменевтика»	55
Демократия и «демократия»	57
«Либерализм» и борьба за истинную духовную свободу	60
«Гуманизм» и истинная ценность человека	63
Искажения понятий «свобода» и «права человека»	65
1.6. Иллюзорная свобода информации в СМИиК	68
Глава 2. Воздействие многоликих экранных образов	71
2.1. Образы телевизионной продукции	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

А. А. Гостев
Глобальная психоманипуляция:
психологические и духовно-
нравственные аспекты

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

Предисловие

Цель предлагаемой вниманию читателя книги – расширить научные представления о природе, содержании и функциях/эффектах информационно-психологических воздействий, о деструктивных последствиях для человека психоманипуляций (различной психологической природы). Большинство людей живут в информационном поле современного мира, не контролируя и не анализируя воздействие, оказываемое на них средствами массовой информации и коммуникации (СМИиК). В этой связи, как мне кажется, психологической науке необходимо выйти на новый уровень понимания информационно-психологической безопасности личности. Но и это возможно только в том случае, если максимально охватить многоаспектность проблемы, введя ее в *глобальный* контекст, и таким образом увидеть тотальность психоманипуляции по отношению к современному человеку.

Понятие «глобализация» берет свое начало от термина «globality» в 1980-е годы (Р. Робертсон), хотя тенденция рассматривать мир системно появилась на Западе еще раньше (например, Римский клуб, один из основных международных центров изучения проблем глобализации, был создан в 1968 г.). Понятие глобализации стало разрабатываться более интенсивно с более четко сформулированными претензиями стран Запада во главе с США (будем далее говорить о некоем «коллективном Западе») на установление мировой гегемонии.

Другое важное для нас, в определенном смысле синонимичное, понятие – «мондиализм». Его содержание, в том числе психологическое, раскрывается по ходу книги. Пока же укажем на то, что мондиализм обосновывает идею построения «единого мира» (от лат. «mundus» – мир). Этот процесс приносит много проблем, в том числе и психологических. Мир претерпевает системное переформатирование. Человечество, подчеркивает известный российский политолог А. И. Неклесса, переходит к новому качеству цивилизации, однако префиксы «пост-», «нео-» и проч. не определяют содержание возникающей ее новизны, комплексный характер преобразований мироустройства.

Сегодня актуальность рассмотрения психологической гуманитарной тематики (в социальной, экономической, организационной, политической, исторической психологии) повышается по причине появления многочисленных сбоев в процессах глобализации. Мы видим волны «глобальной кризисности», создаваемые, в частности, свободой экономической конкуренции, потребительской психологией, возрастающим индивидуализмом, атакой на национальные культуры и идеологией мондиализма. Понятно, что борьба процессов глобализации и тенденций, им противодействующих, задает огромное поле возможностей для психоманипуляций самой разной природы и содержания. Достаточно указать на все большую относительность понятия «национальный суверенитет». Мы видим, что чем сильнее лояльность национальных правительств «главному центру влияния в мире», тем выше их легитимность в глазах «коллективного Запада». Соответственно, тем выше использование двойных стандартов в мировой политике.

Другим неперенным условием более широкого прочтения заявленной в данной монографии тематики является исследование духовно-нравственных аспектов глобальной психоманипуляции, включая рассмотрение религиозного сознания как важнейшего политического фактора современного мира (Гостев, 2012 г.). Глобализация – это во многом *религиозно-политический проект*. Он предполагает не только планетарный процесс объединения экономики, политики, создание единых региональных пространств и различных союзов стран. Это сложный процесс взаимодействия духовно-нравственной и религиозной составляющих традиционных элементов «человеческой цивилизационной системы». От отношения к глобализации может зависеть религиозная верность человека (И. А. Ильин, см. подробнее: Гостев, Борисова, 2012). Применительно к православному христианству и к исламу это очевидно.

Сегодня о новом мироустройстве, которое должно быть порождено глобализационными тенденциями, говорится как о чем-то естественном и прогрессивном. Умалчиваются важные вещи, связанные именно с коррозией духовно-нравственной сферы, с «расчеловечиванием» людей. Говоря о «Новом мировом порядке» (New World Order), мы будем обозначать его латинской аббревиатурой NWO. Это подчеркивает, что современные варианты глобализации не отечественного происхождения чужды представлениям нашей национальной духовной традиции о возможном единении человечества. Здесь можно вспомнить Г. Киссенжера, который указывает, что у каждой цивилизации была своя концепция «правильного» мирового порядка. И Древний Рим, и исламская цивилизация, и Китай представляли себя «центром вселенной». Сегодня в этой роли выступает прежде всего финансовая и политическая элита США, насаждающая свои воззрения в конкретных штатах и на федеральном уровне. Осмысление проекции подобных цивилизационно-центричных представлений на остальной мир и, соответственно, их восприятие и отражение миром является существенной психологической проблемой и напрямую связано с нашей основной тематикой. Плюралистическая картина мира размывает нравственные критерии и свидетельствует об общем отходе человечества от нравственного закона. Духовный аспект рассматриваемой в книге тематики предполагает осмысление вопроса о том, как все происходящее в жизни людей и мира связано с реально свободным выбором человека. Любое воздействие изменяет что-то в человеке, препятствуя свободе выбора даже на уровне воображения. Возрастающая взаимозависимость людей усиливает это препятствие. Как происходит духовно-нравственная деградация конкретной личности, народов и всего человечества в условиях тотальной манипуляции их сознанием, индивидуальным и коллективным неосознаваемым? Сделаем одно значимое концептуально-терминологическое уточнение в этой связи. В книге, говоря об информационно-психологическом воздействии на сознание, мы будем использовать термин «система сознания», включающий в себя понятия актуального и потенциального сознания (Ганзен, Гостев, 1993; Гостев, 2007). Потенциальное сознание предполагает «неосознаваемое психическое» на индивидуальном и групповом/коллективном уровнях. Именно неосознаваемые сферы психики играют приоритетную роль в информационно-психологических воздействиях.

Предлагаемая вниманию читателей книга является логическим продолжением наших научных исследований, в частности, связанных с психологией образной сферы человека (см., например: Гостев, 1992, 2007, 2008; Gostev, Gilliland, Tucker, 1998; и др.). В то же время проблема информационно-психологического воздействия активно изучается в Институте психологии РАН (см.: Психологическое воздействие..., 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012; Психологическое воздействие..., 2014; Психология дискурса..., 2016; Журавлев, Нестик, Соснин, 2016; и др.). Мы будем опираться на эти наработки академической психологии, воздавая им должное. В то же время попробуем сделать посильный шаг в большем соотношении заявленной проблемы с социально-политическими реалиями жизни, с проблемой безопасности личности перед лицом многопланового информационного воздействия, а также с психологией духовно-нравственной сферы человеческого бытия.

В информационно-психологическом воздействии для нас большой интерес представляет преднамеренная манипуляция со стороны различных субъектов психологического воздействия. На высших своих уровнях психоманипуляция связана с социально-политическими манипуляциями в жизни общества, государств, мира в целом. И психологическая наука должна помогать видеть, как в социальном управлении присутствуют ложь, обман, замалчивание, искажения социального восприятия, различные другие психоманипулятивные ухищрения с целью оказания влияния на психику и поведение человека и социальных общностей, включая уровни народов, наций, государства. Психологическая наука должна осмыслять информационно-психологические воздействия на внутренний мир конкретной личности и воздействия на групповое сознание, на менталитет людей, на «систему сознания». В книге делаются попытки

обобщения имеющихся научных наработок в этой связи. Монография ориентирована на макропсихологический подход (А. В. Юревич) применительно к заявленной тематике. Это предполагает выход из рамок устоявшихся сфер исследовательского интереса – реклама, бизнес, психология демократических выборов, другие традиционные предметы социальной и политической психологии. В книге читатель увидит новые проблемы и аспекты информационно-психологических воздействий.

Так, контроль над информационными потоками приобретает решающее значение в современной мировой политике. Особое внимание уделяется тому факту, что на определенном уровне информационное воздействие становится «психологическим оружием» в современных информационных войнах. Иллюстрация этому – проигранная СССР «холодная война» и ее активизация сегодня в конфронтации «коллективного Запада» и современной России. Человечество ждет война не только за ресурсы, но и за право переделки «системы сознания» по NWO-лекалам. России предстоит осваивать опыт применения «психологического оружия» в мире. Ведь, например, то, что говорил Аллен Даллес¹ относительно СССР, сбылось (пусть «план Даллеса» – и фальшивка). Ответом является сама жизнь.

Изучение психологической безопасности человека от информационных воздействий должно выходить на глобальный уровень. Он задает общий исследовательский контекст. Поэтому мы говорим *о глобальном психоманипулировании, опосредствующем все виды информационных воздействий на планете и имеющем свою специфику в различных ее точках (странах, регионах) в зависимости от национально-культурных особенностей*. В данной книге анализируется круг психологических проблем, возникающих в связи с процессами глобализации, и наметившихся тенденций деглобализации как несогласия, протеста части населения Земли против варианта объединения человечества, предлагаемого ему в последние десятилетия. Сознание людей меняется *непроизвольно* под влиянием происходящих событий, объективного хода истории, метаисторических законов, пока гипотетических для академической науки, но ясных для идеалистической философии, теологии (примером служит понятие Промысла Божьего в христианстве), многотысячелетнего человеческого познания в целом.

Но очевидно и *преднамеренное* информационное влияние на людей, которое сегодня сопровождает глобальную трансформацию планетарных реалий. За этим влиянием стоят определенные субъекты/проекты/силы, которые навязывают свое видение будущего и пытаются его реализовать. И это не «мифическая конспирология», непolitкорректностью которой стараются заблокировать поиск людьми самостоятельных ответов на происходящее. Речь должна идти об идеологическом, социально-политическом, экономическом и ином *проектировании*. Именно оно остро ставит вопросы психологической, духовно-нравственной безопасности личности в условиях сложнейшего сочетания преднамеренных и непроизвольных информационных воздействий. Отметим, что современное информационно-психологическое воздействие на историческую память людей, на социальное восприятие ими происходящего, на представление о грядущем по своим масштабам и материальным затратам не имеет аналогов. Достаточно оценить те финансовые средства, которые выделяются на помощь «агентам глобального влияния» в различных странах. Например, суммы, вложенные США в «демократизацию» Украины, озвучены официально.

Глубокое сожаление вызывает у меня то, что пиар-обеспечение различных глобализм-проектов эксплуатирует объективное стремление людей к планетарному единству. Более того, толкование используемой символики позволяет видеть духовные смыслы, которые содержатся в безобидных на первый взгляд образах. Образы, циркулирующие в обществе, сдвигают баланс национально-культурных и общечеловеческих ценностей, искажая саму идею послед-

¹ Аллен Даллес – директор ЦРУ (1953–1961 гг.), один из организаторов шпионско-диверсионной деятельности против СССР, идеолог «холодной войны».

них. Важно понимать, что (и как) под влиянием навязываемых образов возникают определенные представления, имеющие духовно-нравственное содержание. Например, образы «красиво курящих» людей под лозунгом «Мир без границ» прямо предупреждает о сути предлагаемых форм объединения человечества.

В связи с рассмотрением информационно-психологического воздействия на человека в соответствии с интересами проектов мироустройства уточним ряд моментов. Глобальная психоманипуляция происходит на фоне растущего системного кризиса всего человечества, связанного с переходом от одного глобального технологического уклада к другому, с попыткой как реализации модели «однополярного мира», так и отхода от нее к модели мира многополярного, однако с неясным вопросом об управляющем центре в «многополярной глобализации», учитывая уже сформированный «наднациональный» уровень мировой политики и экономики. Кризисные периоды, с одной стороны, благоприятны для изучения восприятия социальной реальности, поскольку обнажается скрытое (показательно, что именно в кризисные времена Россия обретала новое историческое качество). С другой стороны, усиливающаяся хаотизация жизни людей затрудняет изучение суммарного эффекта информационных воздействий на человека, облегчая при этом влияние деструктивных сил, в том числе духовно-метафизического плана. Люди переоценивают свою способность не впитывать информацию из этого источника, равно как и в целом противостоять психоманипуляции. Каждый «кусочек» информации несет «духовно-метафизический элемент» положительного или отрицательного знака. Поэтому проблема манипуляции информационными воздействиями – это в полной мере предмет духовной и нравственной психологии.

Системное понимание процессов информационно-психологических воздействий предполагает учет взаимосвязи *объективных* и *субъективных* факторов происходящего на планете. Первые – это прежде всего социально-политические и финансово-экономические законы жизни «планетарной системы человечества» и каждого ее элемента – конкретных обществ, государственных образований. Например, это смена технологических укладов, присутствие в финансах стран и в «глобальном фининтерне» реальных сил «невидимой руки рынка» и т. д.

Субъективная составляющая, естественно, является предметом изучения психологической науки. Именно она позволяет раскрывать роль субъективного фактора планетарного бытия на индивидуальном и групповом уровнях (различного масштаба). Это, в частности, возможность выбора любой человеческой общностью своего бытия и путей развития. Хотя такой выбор недостаточно осознается конкретным человеком и рефлексивируется общественным сознанием, в том числе на уровне научного знания и художественного отражения действительности (отметим пророческое творчество Ф. М. Достоевского). Субъективная составляющая – это состояние духовно-нравственной сферы человеческого бытия, в частности, свободы нравственного выбора, порождающего соответствующие действия с их влиянием на соотношение добра и зла в мире. Информационно-психологические манипуляции мешают человеку осознать себя ответственным за зло в стране и мире.

Говорить о «перестройке миропорядка» нельзя вне темы справедливого общечеловеческого будущего – стремления к нему или отказу от него во имя «прав сильного». Представление о «нациях-изгоях» (а это стало приемлемым политологическим термином, причем на фоне торжества политкорректности), несомненно, порождение извращенного политического сознания. Но ксенофобия здесь принята не замечать. И это пример поврежденности социального восприятия, признак психологического нездоровья людей, причем не только на уровне элитарного, но и массового сознания. Мировоззренческая основа «золотого миллиарда» и сходных идей жесткой стратификации планетарного социума с минимизацией «социальных лифтов» (различные проекты социал-дарвинистского характера) достаточно успешно маскируется информационно-психологическими средствами. Хотя в последнее время происходит «снятие масок».

Субъективной составляющей планетарных процессов являются и *образы социального прогнозирования*. Образы *сценариев* развития цивилизации – одна из фоновых тем монографии. Здесь соответствующие представления задаются СМИиК и формируются самим человеком на основе доступных ему фактов. Отметим, что за последние 30 лет эти многие тенденции, с одной стороны, стали более явными, с другой – противоречивость происходящего на планете, особенно за последние 7–10 лет, возросла. Прошедшие десятилетия усилили какие-то сомнения у одних людей, поубавили оптимизма у других в связи с масштабами планетарных проблем, озадачили третьих, заинтересовали четвертых, оставили равнодушными пятых. Отметим, что «эйфория десуверенизации», пусть и по-разному в различных странах, но проходит. То, как люди представляют себе социальную реальность, в какой мере эти представления противостоят психоманипулятивным воздействиям, зависит от национально-культурной принадлежности человека, от его социального и имущественного статуса, пола, возраста, индивидуальных психологических особенностей и пр. Очевидное и желанное для одних может быть абсолютно ложным и неприемлемым для других. И это «призма», фильтрующая информационные воздействия, в том числе манипулятивные. Такой призмой, в частности, выступают и «искренние социальные утопии» (некие «восторженно-оптимистичные» представления о наступлении «рая на земле» после современных кризисных явлений), и «апокалиптические ожидания» (предощущение высокочрезвычайных моментов в смене макроэпох земной истории, вплоть до идеи «конца света»). И здесь подчеркнем, что само желание человека не поддаваться настроениям крайних вариантов является контрманипулятивным ресурсом.

Несмотря на различие понимания происходящего, полезно признать взаимодействие двух тенденций, одновременно и противоположных, и взаимодополняющих. Это тенденция к *планетарной интеграции на фоне устремления к инновациям* и тенденция к *сохранению исторических реальностей, накопленного опыта человечества, «богатства традиционности»*, как она понимается в различных культурах. Все, что происходит в мире, является отражением противоречий в этой паре, – противоречий, определяющих многообразие изменений (порой, как мы видим, все более драматических) в социально-политической и экономической жизни. Если процесс объединения не будет идти одновременно с сохранением своеобразия каждого из групповых социосубъектов, это приведет к унификации культур и вызовет протесты многих граждан. В качестве иллюстраций укажем на центробежные процессы в ЕС сегодня и на крах формирования «общесоветского человека».

Глобализация с 1990-х годов подавалась в СМИиК как многосторонняя взаимозависимость в мировом масштабе. Она трактовалась в первую очередь как экономическое явление, которое определяет все прочие аспекты – политико-правовой, идеологический, культурный и т. д. Декларировалось, что глобализация выводит страны на путь экономического роста, повышает объем торговли, ускоряет инновационные процессы, положительно меняет политическую структуру государств, дает возможность свободного перемещения людей, информации и товаров и т. д. Соответственно, мы видели и продолжаем видеть положительные и достаточно навязчивые образы «глобальной перестройки». Активно «пиарился» образ будущего счастливого человечества. В то же время под счастливыми почти уже нескрываемо подразумеваются лишь вписавшиеся в процесс. Журнал «National Geographic», например, освещает только благоприятные аспекты жизни стран. Картинки счастливой жизни «вползают» в сознание и подсознание людей, усыпляя бдительность и мешая увидеть возможность «неофеодального варварства». Из стран же «третьего мира» мировые СМИиК ненавязчиво формируют образ завидующего и неспособного «правильно» работать населения, к тому же склонного при этом к терроризму (естественно, как к способу выхода протестно-завистливых чувств). Примерами негативных стереотипных представлений могут быть растиражированные представления об особенностях русского этноса (из серии фильмов «Особенности национальной...»).

Итак, в книге мы будем говорить о важных гранях представлений людей о «глобальной перестройке» и о тех основаниях, на которых образы нового миропорядка могут основываться – об объективных основаниях (достаточно явных, проверенных) и об информационно-психологических манипуляциях. Знакома читателя со спектром классов представлений людей о современной социально-политической реальности, мы опираемся на экспертные оценки, публицистические тексты, мнения граждан на уровне обывденного группового сознания, данные бесед, опросов и пр. Особый интерес представляют точки зрения людей, чувствующих недоговоренность или ложь официальных потоков информации в описании происходящего на планете и ее будущего. Из спектра мнений мы выделяем то, что в значительной мере упускается из виду – и на уровне академического знания по теме, и в массовом сознании, – но присутствует в общественном сознании в качестве «мнения меньшинства», прозревающего о происходящем. В книге, в частности, внимание читателей привлекается к *преднамеренным* манипуляциям в их соотнесении с *естественно-спонтанными* информационно-психологическими воздействиями. Их суммарный информационный прессинг все сильнее подталкивает людей к утрате способности самостоятельного анализа социальной реальности. Но это означает, что человек постепенно становится объектом психоманипулирования с использованием все более изощренных его методов. Незаметная для сознания информация усваивается, влияя на потребности, желания, вкусы, взгляды, мировоззрение конкретного человека. Подобному воздействию трудно противостоять.

Отметим высокую значимость системного осмысления: а) глубинно индивидуальных информационных воздействий на конкретного человека, и б) психоманипуляций, затрагивающих различные «цивилизационные пространства» и «глобальный социум».

Изучение многоаспектного, многомерного, многоуровневого информационно-психологического воздействия на человека предполагает междисциплинарность, привлечение данных из различных познавательных каналов (Гостев, 2007а, б, 2008; Гостев, Борисова, 2012). В этой связи отметим, что современная психологическая наука не работает с данными вне официально признанных форм гуманитарного знания, игнорирует социальные процессы непубличного характера. Но происходящее на планете рационально понять нельзя. Это предполагает новый уровень сознания исследователя, в частности, его открытости метаисторическому подходу, признанию метафизических основ человеческого бытия. Книга восполняет дефицит таких знаний, необходимых для изучения психоманипуляции и возникающей в связи с этим темой информационной безопасности личности. В монографии, в частности, подчеркнуто то, что волнует православное сознание в его ощущении возрастающей апостасийности мира. Опора на православно-христианские идеи в подходе к теме глобальной психоманипуляции является вариантом развития концепции методологического плюрализма (А. В. Юревич (Гостев, 2007а, 2011а, б; Гостев, Борисова, 2012).

Иными словами, междисциплинарный подход (в том числе «вненаучное знание») используется для осмысления эффектов информационных воздействий – внешних и внутренних (это сложившиеся мнения, социальные установки, идеалы, другие мировоззренческие компоненты). Внутренний источник информации рассматривается как ретранслятор уже воспринятых личностью внешних информационных воздействий на различных уровнях организации субъективного мира и с различной степенью осмысления получаемой информации.

Во Введении представлены данные академической психологии, в частности, с акцентом на исследования авторов – сотрудников Института психологии РАН. Это сделано для подчеркивания преемственности нашей работы в теме информационно-психологических воздействий, для демонстрации знаний психологической науки, полезных для ее осмысления.

В главе 1 социальное восприятие рассматривается как объект информационно-психологических воздействий. Помимо данных о социальных установках, стереотипах, представлениях, большое внимание уделяется процессам символизации и мифологизации социаль-

ного восприятия. Даются общие сведения как о простых формах психоманипуляции, так и об уровне, на котором она сопоставима с «психологическим оружием». Это оружие может строить реальность через создаваемые виртуальные образы, их проекцию и материализацию, или может надевать «шапку-невидимку» на действительность. Замалчивание некоего события равносильно отказу ему в праве на существование. Еще Э. Тоффлер говорил, что массмедиа создают фиктивный мир, на который правительства, народы, люди реагируют как на реальный (Тоффлер, 2005). Отмечается, что главные мировые массмедиа в той или иной мере подконтрольны транснациональному уровню планетарной власти. И мы будем говорить о таком влиянии, осуществляемом через иллюзии о «свободных СМИ». Подчеркивается, что информационно-психологические войны – неотъемлемый фактор не только мировой политики, но и крупного бизнеса, финансовых рынков. В главе рассмотрены также «тонкие» психоманипулятивные технологии. К ним относятся, например, «окна Овертона» – модель, описывающая процесс изменения отношения в общественном сознании к ранее неприемлемым для него идеям. В целом же в главе показано взаимодействие социально-психологических, «глубинно-психологических» и метафизических влияний на человека и на сообщества людей.

Отдельный раздел посвящен рассмотрению роли психических процессов (в частности, воображения, антиципации и эмоционально-мотивационной сферы) в искажении социального восприятия. Вводится понятие о «психоманипулятивной герменевтике». Она связана с подменой бытовых представлений, с примитивизацией речи, «словесным мусором», нецензурной бранью, иноязычными заимствованиями, а также подменой важных понятий в области социально-политической жизни общества.

Глава 2 посвящена психоманипулированию в многоликом экранном воздействии. Изучается информационно-психологическое воздействие имаго-символосферы общества – различных видов экранных образов – на внутренний мир личности, на психологическое здоровье общества и человечества в целом. Акцент делается на рассмотрении отрицательных воздействий телевидения, кино-видеопродукции, интернета, компьютерных игр. Подчеркивается духовно-нравственный аспект деструктивного влияния этих каналов имаго-символосферы социума. Ее воздействие следует изучать в контексте многоплановой «информационной экранной зависимости», готовности к психологическому «погружению в Экран». При рассмотрении влияния телевидения обсуждается спектр мнений – от подчеркивающих положительные стороны телевидения до отрицательных, озабоченных его душепагубным потенциалом. Анализируются различные приемы телевизионного воздействия, в результате которых итоговый образ может не иметь с действительностью ничего общего, однако восприниматься как «объективное» отображение фактов.

Большое внимание в главе уделяется информационно-психологическому воздействию интернета. Виртуальный мир, создаваемый человеком с его помощью, становится второй реальностью. Это дает основание говорить о деструктивных воздействиях, о сознательном искажении информации и конструировании дискурсов как о веяниях времени. Интернет воздействует на людей неодинаково. Поэтому интернет-зависимость имеет свое дифференциально-психологическое измерение, которое следует более предметно и глубоко изучать. В главе обсуждаются также психологические последствия возможностей социального контроля в сети, роль интернета в манипуляции политическим сознанием и многое другое.

При рассмотрении видеоигр как вида «экранных манипуляторов» подчеркнуты духовно-нравственные аспекты их воздействия на человека, особенно на детей.

Глава 3 посвящена рекламному воздействию как ярчайшей иллюстрации психоманипуляций. Подчеркивается значимость научного осмысления роли в рекламе «инстинктивно-организмических» слоев психики, подпитывающих низшее Я человека. Исследователи психологии рекламы могут не касаться этого вопроса в силу определенных рамок – темы, методов исследования. Но специалистам желательно отдавать себе отчет в том, что рекламный компонент

имаго-символосферы общества превратился в эффективное средство суггестирования, создающего и усиливающего искусственные приземленные потребности человека и тем самым изменяющего социальные установки, ценности, нормы и даже мировоззрение людей в целом. Это акцентирует значимость духовно-нравственного плана анализа на уровне психоаналитических закономерностей функционирования образов в рекламе.

В связи с психологией рекламного воздействия мы также рассмотрим важные общие проблемы информационных воздействий – виртуализацию «системы сознания» и сублиминальные воздействия. Анализ последних позволяет увидеть в рекламе один из видов психопрограммирования. Особую роль в виртуализации играют *бренды*, предлагающие человеку притягательный образ товара, услуги и т. д. Образ-бренд, ассоциируя рекламируемое с позитивными социально-культурными событиями, активно распространяет свои мировоззренческие ценности. Вытесняя из сознания традиционные национально-культурные ценности, он становится их разрушителем. Брендинг создает эффективный канал для проведения определенных идей/интересов/проектов.

В главе 4 рассматривается проблема воздействия политических технологий на внутренний мир человека. Психологические знания, например, о стереотипах, предрассудках, страхах позволяют манипулировать народами, нациями, государствами. Отмечается, что применение психоманипулятивных информационных технологий породило театр «политического спектакля»: на разных «подмостках», разного масштаба «сценического действия» и уровня профессионализма исполнителей. Важным игроком в «глобальном политическом театре» видится терроризм. Этот образ выступает оружием в информационно-психологической войне, – оружием, которое все увеличивает свою силу, причем в руках различных политических структур. Работе «театра» помогают система стереотипов и мифов, функционирующих в социально-политической жизни общества.

В главе рассматриваются основные взаимодействующие технологии политических манипуляций (пиар, агитация, имиджмейкерство и пр.), а также некоторые актуальные вопросы в манипулировании политическим сознанием. В частности, это воздействие на социальный интеллект, использование расплывчатых политических и экономических понятий, психология двойных стандартов и пр. Исследуется также образ внешнего управления страной как результат информационно-психологических операций. Психологической проблемой является адекватность представлений людей об основных субъектах, объектах, каналах таких операций.

В отдельном разделе рассмотрены манипуляции в предвыборных технологиях и избирательных кампаниях, когда можно говорить лишь о «манипулятивной демократии»: человек считает, что сделал свободный, осознанный политический выбор, который таковым не является. Глава завершается рассмотрением психотехнологий «цветных революций».

Глава 5 посвящена психоманипуляциям в духовно-нравственной сфере человеческого бытия. Данная проблема соотносится с тематикой психологического здоровья (Психологическое здоровье личности..., 2014), которое анализируется с позиции метафизических оснований психологического знания, обретая статус духовно-нравственного здоровья. Привлекается историко-психологическое знание, в частности, православная христианская традиция, раскрывающая когнитивно-эмоциональные искажения в духовно-нравственном познании. С этих позиций рассматривается проблема измененных состояний индивидуального сознания, которые на фоне субъективного его «расширения», «просветления» способны породить искажения в познании духовном. Отмечаются аналогии с групповым сознанием. В этой связи указывается на современную западную ментальность, отвергающую традиционные нравственные ценности, воспевающую потребительские интересы «атомарного человека» и пр.

Рассматривается проблема противопоставления традиционной нравственности и новых этических форм – достаточно зловещая система ценностей, где «белое» легко становится «чер-

ным», и наоборот. В качестве главных манипуляторов в духовно-нравственной сфере выступают философия постмодернизма и массовая культура.

Поскольку наиболее сильно сопротивляются деструктивным информационным воздействиям *религиозные традиции*, отдельный раздел посвящен атакам на них. Подчеркивается важная роль религиозного менталитета в мире, в частности, как «стабилизатора» или «деструктора» геополитики. Большое внимание уделено теме разрушения мировых религий, подменной их традиционного содержания симулякрами и тенденцией создания единой универсальной религии. Плюрализм псевдорелигиозного опыта в сектах, психологических школах личностного роста и т. п. структурах манипулирует религиозным сознанием людей.

Название главы 6 говорит о главном содержании представленного в ней материала. Особое внимание уделяется осмыслению воздействия новых информационных технологий (далее – НИТ) на области неосознаваемого внутреннего мира личности, на духовно-нравственную сферу человеческого бытия. Данная тематика связывается с проблематикой психологии формирующегося глобального «сетевого общества». Отмечается недооценка психологических и духовно-нравственных проблем, которые возникнут в «обществе тотальной сети». Подчеркивается, что мир «обволакивается» сетью как орудием глобального управления. Идея глобальной сети вместе с тем пропагандируется как закономерная и неизбежная стадия развития человечества. Но это как раз является свидетельством глобальной психоманипуляции, имеющей геополитические цель и последствия. Под предлогом неизбежности сетевого общества обосновывается исчезновение независимых государств. Определяющей характеристикой сетевого общества провозглашается коренная реорганизация управления мировым сообществом, что позволит сделать психоманипулирование людьми практически неограниченным. В этой связи отмечаются возрастающие возможности слежки в сети за человеком, группами людей. Изучение психологического аспекта слежки в сети интересно в плане того, что знание человека о сетевом контроле над собой и другими людьми изменяет его сознание и поведение. Т. е. мы получаем вариант сильной, хотя и опосредованной, психоманипуляции. Отдельный вопрос – участие сетевых сообществ в политических процессах, – в частности, сетевое обеспечение «цветных революций».

Среди других психоманипулятивных аспектов в сфере НИТ рассматривается «психология неочеловечества» и «психология homo-киборга». Внутри данной проблематики отмечается широкий спектр психологических проблем, которые не ставятся в психологической науке. К значимым вопросам манипуляций в сфере НИТ отнесены также атаки НИТ на биополе человеческого организма, компьютерное психозондирование, самообучаемость компьютерного интеллекта, компьютерные вирусы как субъекты информационного воздействия.

В главе 7 обозначены актуальные задачи изучения манипулятивных информационно-психологических влияний на личность относительно идеологического, социально-политического, экономического и иных видов глобального проектирования. В области восприятия людьми глобальной политики речь идет о содержании и особенностях образов многополярности мира в ее противопоставлении миру однополярному. Изменяется вся архитектура внешнеполитических процессов. Вокруг этих процессов и происходит локальная, региональная и глобальная манипуляция сознанием. Отмечается, что поле «геополитической информационно-психологической войны» дает простор для самого широкого спектра политических психоманипуляций. Они направлены на выбор человеком, групповыми субъектами «образа полярности». В связи с данной полярностью рассматривается вопрос о представлениях людей относительно реального суверенитета стран. Возникает тема психологической маргинальности элит между национальными и наднациональными центрами власти. Это, несомненно, актуальный вопрос социальной и политической психологии. Главной тенденцией в образах новой мировой политики как объектах информационно-психологического манипулятивного воздействия выступает антидемократическая «новая централизация власти» с новыми официаль-

ными и неформально-теневыми субъектами глобального управления. Интересными объектами изучения социального восприятия должны стать образы планетарных центров силы на публичном и «теневом» уровнях.

Изучение манипуляции представлениями о глобальной финансово-экономической системе также ставит интересные вопросы, имеющие отчетливое психологическое содержание. Экономическая информация является одним из самых мощных психологических воздействий, тем более что она подается в значительной мере на малопонятном профессиональном языке. Сведения о сложных финансово-экономических закономерностях, управляющих «глобальным рынком», способны кого-то подавлять авторитетом, кого-то завораживать, кого-то ставить в тупик.

Значимый аспект изучения представлений о современной экономике связан с темой иллюзорных образов «свободного рынка». Необходимо изучение осведомленности людей о «тайных пружинах» мировой экономической политики. Иллюзорность современных экономических представлений соотносится с общей проблемой виртуализации современной финансово-экономической системы. И это интересный вопрос экономической психологии. По сути, современная экономика есть торговля воображаемым.

Раздел главы посвящен новым идеологическим манипуляциям, имеющим место вокруг реализации глобализм-проекта. Предметом изучения становится мифология глобализации. Рассматриваются психологические проблемы в связке «религиозный фактор-идеология – политика – наука». Психоманипулятивные воздействия в информационном поле человечества должны изучаться, осмысливаться относительно основных субъектов глобального действия на информационно-дезинформационном планетарном поле. Актуален и вопрос изучения каналов конспирологического информационно-психологического воздействия. Наконец, изучение глобальной психоманипуляции предполагает более глубокое и предметное осмысление ложных (как продукт психоманипуляций) и реальных угроз человечеству. Это тем более актуально, что образы ложных угроз могут породить реальные угрозы.

Глава 8 посвящена контрманипулятивным возможностям личности и общества. Обсуждаются возможности противодействия управляемым «информационным вливаниям» в сознание, задающим «правильные на сегодня» мировосприятие, самоидентификацию, систему социальных представлений, политические установки. Необходимо изучить более тонкий, высокий и одновременно скрытый уровень психоманипулирования современным человеком, который «слеп» к духовной сущности формирующегося «нового мироустройства», к психологическим последствиям «транснационального сетевого общества» и тенденции «киборгизации» человечества.

Тезис о том, что человек является активным субъектом, строящим свою картину социальной реальности, а потому не подвластным «промыванию мозгов», требует рамок своей применимости. В противостоянии психоманипуляциям сработает лишь реальный потенциал принципа активности человека.

Противодействие психоманипуляции рассматривается как на психологическом, так и на духовно-нравственном уровнях. На первом из них большое внимание уделяется сопротивлению имago-символосферы общества. При рассмотрении манипуляций посредством воздействия на понятийное мышление/речь отмечается актуальность изучения защитных механизмов социального восприятия. Духовное противостояние облегчается движением человека по «духовной вертикали». Велика роль исторической памяти в защите от манипуляций.

В Послесловии делаются дополнительные обобщения, формулируются перспективные задачи исследования.

Введение

Проблематика данной монографии, как видно из текста предисловия, чрезвычайно широка. Теоретическое осмысление возникающих вопросов предполагает не только соотнесение научных подходов в различных областях психологической науки, – прежде всего, в социальной, политической, исторической психологии, – но и привлечение наработанных материалов из других областей человекознания. Изучением социальных последствий информационных воздействий на человека занимаются, в частности, социология, политология, лингвистика и пр. Сложности анализа интересующей нас тематики усиливаются тем, что нет однозначного понимания терминов «психологическое воздействие», «информационно-психологическое воздействие». Эти понятия очень объемны, к ним относится широкий круг явлений: от межличностного общения до массовых коммуникаций различного уровня и содержания (например, в политике, экономике/бизнесе и др.). Информационно-психологическое воздействие на людей представляет собой огромный арсенал средств, механизмы влияния которых изучены недостаточно. Не найдены общие основания данного понятия, которые были бы применимы, соответственно, в психотерапии, политике, сфере социального управления, педагогике и пр. Отмечается, что сами характеристики информационно-психологического воздействия, специфика используемых приемов, стоящие задачи влияют на содержание данного понятия.

А. Н. Лебедев различает содержание терминов «средство воздействия», «прием манипулирования», «метод воздействия», «механизм воздействия», «психологическое влияние» и др. (Лебедев, 2014). Тема психологического воздействия в психологии, отмечает он, является одной из самых обширных по количеству прикладных публикаций и самой неразработанной по количеству публикаций теоретических. И психологические воздействия, имея различную природу, объединяются в одну группу явлений (создавая иллюзию универсального психологического механизма) (там же, с. 97). Изучение разнообразия информационно-психологических воздействий осложняется тем, что человек не способен рефлексировать все многообразие психоманипуляций, с которыми он имеет дело и на которые влияет социокультурный контекст. Наконец, сложности теоретического осмысления темы связаны с тем, что психология духовно-нравственной сферы человеческого бытия, которая включена в анализ проблематики «на первых ролях», является направлением, только что начавшим свое возвращение в систему научного психологического знания.

Виды информационно-психологических воздействий, следовательно, нуждаются в классификации.

Так, Г. А. Ковалев описал основные стратегии информационного воздействия (Ковалев, 1991). «Императивная» стратегия ориентирована на действие простых правил и законов, жестких причинно-следственных связей. Психика человека рассматривается как пассивный объект воздействия и продукт исключительно социальных условий. Цель воздействия на нее при манипуляции – изменение сознания человека – открыто не провозглашается, а достигается посредством скрытого или неявного побуждения к совершению определенных действий, к следованию конкретным правилам и образцам поведения. «Развивающая» стратегия основывается на принципах нелинейного детерминизма, неочевидного с точки зрения конечного результата (его планирование допускается), и базируется на представлении о том, что психика человека находится в постоянном диалоговом взаимодействии с другими людьми и социальными группами.

С развитием НИТ и СМИиК спектр психологических воздействий расширяется. В указанных в Предисловии коллективных монографиях Института психологии РАН описаны основные виды информационно-психологических воздействий. Существуют воздействия пря-

мые (непосредственные) и косвенные (опосредованные), одномоментные и рассредоточенные во времени, вербальные и невербальные, осуществляемые различными способами и методами, имеющие различные стратегии и тактики. Материалы данных коллективных монографий позволяют ориентироваться в феноменах, принципах психологического воздействия в разных сферах современной жизни, рассматривая их как аспект информационной безопасности личности. В то же время очевидна необходимость дальнейших исследований данной темы с реализацией известной методологической триады «теория – эксперимент – практика» (Б. Ф. Ломов). Особо подчеркнем необходимость большего соотнесения теории вопроса с современной жизнью. Рекламой, менеджментом и политическими выборами не ограничиваются сферы, в которых надо осмысливать психологию психоманипуляции. Нерелевантность получаемых данных в этих областях хорошо видна на примере мировой политики. Например, балканские события 1990-х, события в Грузии в «нулевые» годы, на Украине («оранжевая революция» 2004 г. и последних трех лет) не нашли должного осмысления в психологической науке. Указанные и прочие события на мировой сцене ставят задачу понимания происходящего с точки зрения теории и практики информационно-психологической войны. Академические наработки в этой области тоже должны быть использованы. Важным методологическим вкладом в разработку темы является системный подход (Латынов, 2013), который полезен для усвоения содержания данной монографии.

В истории исследования психологического воздействия выделяется три этапа (Латынов, 2012б).

На первом этапе, в 1940–1950-е годы, главной была идея о двух основных механизмах, действующих одновременно, независимо друг от друга: а) логический анализ сообщения, б) эмоциональная обусловленность воздействия, объясняющая информационное влияние даже тогда, когда смысл сообщения усваивался недостаточно.

На втором этапе, в 1960–1970-е годы, под влиянием противоречивых экспериментальных данных начинает доминировать скептицизм в отношении универсальных закономерностей воздействия. Проводятся анализ психологического воздействия в реальной жизни и разработка проблемы сопротивления ему. В. В. Латынов акцентирует внимание на модели В. Макгира: человек должен обратить внимание на информационное воздействие, понять и принять содержание, запомнить возникшую новую установку, трансформировать ее в поведение. В теории когнитивной реакции Э. Гринвалда для нас полезны следующие полученные им данные: эффективность психологического воздействия зависит от того, насколько позитивны/негативны переживания человека, вызванные сообщением. С точки зрения рассмотрения роли духовно-нравственных аспектов психоманипуляций показательны исследования С. Милгрэма, продемонстрировавшие значительные возможности принуждения людей к поступкам, противоречащим их моральным ценностям.

Третьему этапу изучения темы психологического воздействия (1980-е годы) были присущи методический и методологический плюрализм, произошло расширение круга изучаемых феноменов, усложнение теоретических моделей. Психологическое воздействие стало рассматриваться в качестве сложно детерминированной многоуровневой системы. Разрабатываются идеи и об одном когнитивном процессе с несколькими стадиями в анализе человеком поступающей к нему информации. Особое внимание стало уделяться изучению психологических механизмов, опосредующих воздействие сообщений на социальные установки и представления людей. Было установлено и доказано, что при обработке поступающей информации человек может активно размышлять над ней, соотносить с собственными убеждениями и знаниями аргументы в поддержку навязываемой позиции. Но признавались и иные способы обработки информации, делающие излишним детальный анализ сообщения (например, использование тезисов «Специалистам следует доверять», «Большинство всегда право»).

В. В. Латынов указывает на эвристико-систематическую теорию, согласно которой у людей обнаруживается порог субъективно приемлемой уверенности в истинности мнения, сложившегося под воздействием сообщения. Значимым является наличие двух способов обработки информации при воздействии: *систематического* (человек активно размышляет над информацией, соотносит доводы с собственными знаниями; результатом является более выраженное и устойчивое изменение установок) и *эвристического* (основан на очевидных признаках ситуации воздействия, что делает излишним анализ сообщения; более важны авторитетность и привлекательность источника, социальные стереотипы). Эти два способа обработки информации задают два способа воздействия: силой аргументов и привлекательностью/компетентностью источника воздействия. Выбор способа воздействия зависит от мотивации объекта воздействия, типа предъявления сообщения, времени для обработки сообщения. Когда вероятность анализа информации низка, характеристики источника сообщения (привлекательность, компетентность) используются в качестве доказательства его истинности. При средней степени аналитичности информация от экспертов и приятных лиц рассматривается внимательнее, чем сообщения неспециалистов и людей неприятных. При высокой степени анализа сообщения компетентность источника рассматривается в качестве дополнительного аргумента в пользу транслируемой позиции. Когда неясна сила аргументов, сообщения экспертов воспринимаются более позитивно, чем неспециалистов. Было бы интересно посмотреть проявление этой закономерности в информационном поле «послемайданной» Украины.

Сегодня исследователи все чаще обращаются к теме групповой идентичности и групповой динамики как значимых факторов эффективности психологического воздействия (Латынов, 2012б). Если ранее психологическое воздействие исследовалось в ограниченном спектре социальных ситуаций относительно непродолжительных контактов незнакомых людей, то в последние десятилетия стали изучаться интегральные эффекты информационно-психологического воздействия, приемы воздействия, а также факторы, определяющие их выбор и использование. Неудовлетворенность лабораторными экспериментами усилила интерес к выявлению социально-психологических и индивидуально-личностных факторов, влияющих на использование стратегий и тактик воздействия, возрос интерес к его кросс-культурной специфике.

Понимание целостности психологического воздействия предполагает, в частности, изучение: активности объекта воздействия (человек остается активным участником ситуации воздействия); полимотивированности объекта воздействия; эмоционального компонента воздействия; амбивалентности установок (об этих принципах мы поговорим в главах 1 и 8) (Латынов, 2012б, 2013). Основными элементами концептуальной модели психологического воздействия В. В. Латынова являются следующие:

- *субъект воздействия* – лицо или группа лиц, целенаправленно или невольно изменяющих поведение, когнитивную и эмоциональную сферу других людей;
- *объект воздействия* – лицо или группа лиц, изменение психологических характеристик которых вызывает субъект воздействия;
- *сфера воздействия* – совокупность сходных ситуаций, в рамках которых происходит взаимодействие субъекта и объекта воздействия (обычно выделяют межличностное общение, групповую коммуникацию, опосредованное СМИиК-общение);
- *средство воздействия* – речевое сообщение (от кратких до развернутых), совокупность вербальных и невербальных стимулов, комплексы символов;
- *контекст воздействия* – совокупность характеристик, влияющих на выбор, реализацию и эффективность используемых средств воздействия (подчеркнута роль ситуативно-группового и национально-культурного контекста);
- *результат информационного воздействия* – запоминание информации, изменение представлений об объекте/явлении/ проблеме, изменение к ним отношения, намерение в реальном поведении.

Важно просчитать, благоприятствует ли конкретное воздействие стратегическому успеху. Политическая выгода может обернуться политическим кризисом.

Теоретическая основа психологии психоманипулятивного воздействия предполагает выделение критериев и факторов его эффективности (Латынов, 2012б). Прежде всего, следует учитывать новые возможности «персонализации воздействия». К каждому из эффектов воздействия (когнитивным, эмоциональным и поведенческим) возникает вопрос: мы имеем изменение групп аттитюдов, ценностей, стратегий поведения, либо воздействие затрагивает что-то одно? Относительно изменения оценочности важно различать, идет ли речь о формировании новых аттитюдов или об изменении уже существующих. Отметим *эффект простого предъявления*: многократное предъявление объекта в эмоционально нейтральном контексте вызывает у человека позитивное к нему отношение («знакомое – значит хорошее»), часто не фиксируемое сознательно. Поведенческие эффекты различаются на непосредственные реакции (например, избегание/приближение) и продуманные действия. Эмоциональные эффекты воздействия исследованы меньше. Значимый критерий – длительность существования эффектов воздействия: *кратковременные* (несколько часов) и *долговременные*. Результат воздействия может появиться с течением времени.

В. В. Латынов выделяет три группы факторов эффективности психологического воздействия. К первой группе относятся *характеристики субъекта воздействия*: компетентность, надежность и привлекательность. Значима установка на анализ получаемой информации. Человек может быть настроен на анализ аргументации, намерений, компетентности субъекта воздействия, а может прилагать к обработке информации минимум усилий. Если психологическое воздействие не побуждает человека к анализу информации, повышается значимость влияния характеристик субъекта воздействия. Люди значительно позитивнее оценивают информацию от более компетентного источника.

Фактор *особенностей средств воздействия* касается прежде всего аргументации. Взаимосвязь качества аргументов и эффективности воздействия определяется настроением человека на тщательный анализ информации. При низкой мотивации и невозможности анализировать информацию даже слабая аргументация усиливает воздействие. При глубоком анализе слабая аргументация приводит к падению эффективности воздействия.

Фактор *характеристики объекта воздействия* предполагает учет индивидуальных особенностей людей – пола², возраста (максимальная устойчивость к воздействию – в среднем возрасте), личностных и индивидуальных особенностей (в частности, интеллекта), показателей этического сознания и мировоззрения (Латынов, 2014б).

Для понимания глобальной психоманипуляции полезно знание о существовании трех точек зрения относительно воздействия СМИиК на человека (Латынов, 2014а). Каждый подход имеет свое рациональное звено, однако не раскрывает полностью проблему информационно-психологических воздействий на человека и сообщества людей.

1. «Теории минимального эффекта» признают воздействие СМИиК несущественным. Межличностные контакты считаются более значимыми для распространения информации. Информация от массмедиа передается через лидеров мнений в различных социальных группах. Заметим, однако, что мнение может принадлежать представителю группы, коллективное сознание которой подвержено манипуляции. В. В. Латынов отмечает, что теории минимального эффекта, распространенные в 1950–1960-х годах, снова становятся популярны; люди оказываются субъектами массмедийной активности.

² Современные исследования, например, уже не обнаруживают половых различий в подверженности психологическому воздействию (ранее считалось, что женщины более подвержены ему).

2. «Теории среднего эффекта» говорят об ограниченном влиянии СМИиК на внутренний мир личности. В рамках данного подхода изучается влияние традиционных и новых массмедиа на человека, в частности, формирование «рамочного» эффекта. Суть его заключается в том, что в СМИиК для конкретных периодов времени задаются определенные спектры и границы обсуждаемых тем. Экологическая тематика, избирательные кампании, чрезвычайные ситуации имеют разное время проявления «рамочного» эффекта. На «рамочный» эффект влияют длительность и «массированность» освещения темы, специфика подачи материала и пр. Важны также характеристики аудитории (например, ее избирательная активность, ориентация на массмедиа как источник знаний).

А. В. Юревич и Ф. О. Марченко, говоря о *теориях ограниченных эффектов*, распространенных в 1960–1970-х годах, отмечают их главную идею: влияние массмедиа на аудиторию не носит тотального характера, не приводит к необратимому и радикальному изменению поведения (Юревич, Марченко, 2012). Воздействие СМИиК на человека опосредовано его ближайшим социальным окружением, позицией группы, к которой он принадлежит, мнением отдельных ее членов, отбором той информации, которая согласуется с собственными ценностями.

Интересны отдельные акценты, которые делают в данных теориях А. В. Юревич и Ф. О. Марченко (там же). Так, теория распространения инноваций подчеркивает многоступенчатость процесса принятия новых идей, т. е. наличие стадий внимания, интереса, оценки, проверки, принятия, подтверждения. Подход Дж. Клаппера говорит о том, что средний человек преувеличивает значение массмедиа, которые влияют на уже сформировавшиеся стереотипы, оценки, социальные установки. Согласно концепции Э. Роджера, СМИиК влияют только на «продвинутых» пользователей, от которых уже «заражаются» остальные (психология рекламы подтверждает эффект подобного «вторичного влияния»). Теория *элитарного плюрализма* подчеркивает, что поведение типичного избирателя (политически безграмотного, малоактивного, который находится под влиянием своего социального окружения) не соответствует моделям демократического поведения. Тем не менее, интересы населения могут все же учитываться. Теория *социального научения* затрагивает вопрос влияния сцен насилия, показанных по телевидению, на человека, прежде всего на детей. Сделан странный вывод: никто не знает, какое влияние оказывают массмедиа на детей, но для основной части детей это влияние незначительно.

3. «Теории сильного эффекта» подчеркивают зависимость мнений и поведения людей от СМИиК, которые формируют представления о социальной реальности, социальные установки, оценки, суждения, влияют на поведение. Начиная с 1980-х гг. эти теории приобретают все больше сторонников. Подчеркивается, например, что человек зависит от СМИиК в силу необходимости удовлетворять свои потребности и достигать цели. При конфликтах в обществе у людей появляется потребность в переоценке системы ценностей, что усиливает интерес к массмедиа. Заметим, что эта закономерность сработала в период перестройки и реформ в нашей стране. Так называемая *культивационная теория* полагает, что СМИиК оказывают определенное воздействие на социальное восприятие. Транслируемые ими образы реальности влияют на представления человека о мире, воздействуя на психику глубоко и многопланово. Максимальный культивационный эффект достигается в случае, когда обращение к СМИиК побуждается потребностью в информации, отсутствуют альтернативные источники информации, а человек верит в реальность массмедийной «картинки». Э. Ноэль-Нойман (Ноэль-Нойман, 1996) указывает, что СМИиК играют большую роль в определении того, какое мнение в обществе является доминирующим, оказывают влияние на индивидуальное восприятие общественного мнения. Человек при этом побуждается либо обнародовать свои взгляды при совпадении своего мнения с мнением большинства, либо оставить свои взгляды «при себе», пока некая точка зрения не станет принятой в обществе или не исчезнет из общественного сознания. Механизм имеет

спиралевидную структуру, в результате чего некоторые позиции попадают в центр внимания, а другие оказываются на периферии общественного интереса.

Отметим существование теорий пассивной и активной аудитории (Бакулев, 2010). В теории активной аудитории А. В. Юревич и Ф. О. Марченко (Юревич, Марченко, 2012) отмечают несколько позиций. Главным становится публичный дискурс – решающая роль в определении смысла сообщения принадлежит аудитории. Таким образом, понятый аудиторией смысл сообщений может не совпадать с тем, который заложен в них. В *дискурсивной модели массовой коммуникации* (Дж. Фiske) объект информационного воздействия (телезритель, например) использует индивидуальный опыт в конструировании смыслов сообщений. *Конструкционистская модель массовой коммуникации* (У. Гэмсон) говорит о том, что общественное мнение является частью процесса, с помощью которого участники массовой коммуникации развивают значения в публичном дискурсе. *Теория обретения пользы и удовлетворения* рассматривала, чем руководствуется индивид при выборе СМИ. *Теория игры* указывала, что люди удовлетворяют через массмедиа потребности, что может усиливать влияние СМИиК. Согласно *теории фрейминга*, массмедиа могут контролировать восприятие людьми смыслов через «упаковывание» высказываний во «фреймы». Это порождает одни интерпретации и исключает другие.

Вместе с тем отметим, что в рамках парадигмы «сильного эффекта» все же недостаточно свидетельств о воздействии СМИиК на установки, социальные представления и поведение людей. На мой взгляд, это подчеркивает необходимость большей соотнесенности исследований информационно-психологических воздействий с реальной жизнью. А жизнь на планете показывает, что такие воздействия весьма существенны: стали реальностью толерантность к половым извращениям, двойные оценки политических событий в различных странах, другие факты, о которых мы говорим в книге.

Итак, касаясь темы глобальной психоманипуляции, пытаясь как минимум охватить ее феноменологию, мы видим отсутствие единой теоретико-методологической базы исследования. Согласно В. В. Латынову, создание единой теории, объясняющей психологическое воздействие СМИиК, вряд ли возможно. На человека влияет много факторов, их взаимовлияние и взаимодействие крайне сложно, и потому выявить единый механизм их воздействия на чувства, мысли и поступки человека невозможно. Современные теории могут объяснить лишь ограниченный круг феноменов. Существенную роль играет глубина погруженности человека в информационные потоки. При низкой и средней степени включенности людей в массмедийный дискурс его воздействие на внутренний мир личности незначительно. Однако в отношении людей, которых трудно оторвать от СМИиК, эффективность воздействия резко возрастает.

Отметим ряд других моментов, значимых для нашего исследования.

Важные закономерности психоманипуляции вытекают из *информационной неопределенности*, – таких ее приемов, как умолчание информации, «дозирование правды», «неполнота описания события». Речь идет о скрытых причинно-следственных связях событий, вызывающих некий спрогнозированный результат, о формировании субъективно целостной картины мира под влиянием неполной, «правильно ограниченной» информации или даже при ее отсутствии. При этом объекты воздействия на уровне индивидуального или группового сознания уверены в знании действительного положения вещей. Вспомним, что С. Московичи показал роль сочетания информационной неопределенности и социального влияния в формировании убеждений (Moscovici, 1984). Феномен групповой поляризации также оказался связанным с информационной неопределенностью.

Отсутствие информации особенно значимо для глобальной психоманипуляции, ибо на этом уровне деятельность планетарных субъектов мировой политики и экономики скрыта, искажена умалчиванием деталей. Основой глобальной манипуляции является сокрытие реально происходящего на планете, маскировка социально-политического и идеологического

проектирования под прикрытием неолиберальных и псевдodemократических представлений и ценностей.

Результаты изучения психологического воздействия, связанного с информационной неопределенностью, изложены в работе А. Н. Лебедева (Лебедев, 2014). Он подчеркивает, что информационная неопределенность – важный фактор создания социальной установки, на основе которой люди строят собственную систему представлений о мире, формируют мировоззрение. Указывается, что информационная неопределенность возмещается воображением, верованиями, «информационным мусором» (например, из «желтой прессы»). А. Н. Лебедеву интересен психологический механизм формирования субъективно непротиворечивой картины мира при наличии «информационных пустот», заставляющий одних людей стремиться к информационной полноте, а других – оставаться удовлетворенными неполной информацией. Отмечается, что неопределенность может дать более сильный эффект психологического воздействия, чем непосредственное психологическое давление, – достаточно игнорировать факты и выстраивать нужную систему представлений (отдельным политикам или государственной власти в целом). А. Н. Лебедев отмечает еще один важный для нашего исследования момент: разговоры о целенаправленном информационном суггестировании часто оказываются маскировкой манипулирования через «воздержание от распространения нежелательной информации». Подчеркнем, однако, что оба приема могут работать вместе, повышая эффективность информационно-психологических воздействий на людей. В Украине, например, существует и антироссийская пропаганда, и жесткая цензура информационных потоков.

Актуальность изучения фактора информационной неопределенности следует из повседневной жизни российского общества. Людям в деталях сообщаются интимные подробности жизни голливудских звезд, но замалчиваются или подаются как третьестепенные важные события жизни нашей страны, связанные с возрождением Отечества. Многие ли знают о победе боксера Федора Чудинова над германским боксером в символически памятную дату 9 мая 2015 г. (газета «Русский Вестник», № 13, 2015)? Носители псевдонеолиберального сознания, верящие, например, в «прозрачность» мировой политики, во всемогущую «невидимую руку рынка», «слепы» по отношению к информации, которая показывает данные социальные представления как успешно навязываемое миру заблуждение благодаря дефициту информации о процессах глобализации.

Важные грани информационно-психологических воздействий раскрываются в исследованиях Н. Д. Павловой (Павлова, 2012; см. также Григорьева, Павлова, 2012, 2014). Актуально, например, также понимание роли расплывчатых понятий в лингвистической манипуляции, которая может быть как преднамеренной, так и результатом непроизвольного употребления лингвистических структур. Показано, что приемы выбора информации связаны с т. н. «интенциональными комплексами»; виды массмедийного дискурса имеют присущие им интенциональные характеристики, опосредствующие использование приемов речевого воздействия. Одним из важных направлений исследования становится описание интенционального пространства дискурса, без обращения к которому невозможно уяснить, зачем нечто было сказано. С интенциями оказались связанными выбор информации, детализация описания, ссылки на очевидцев и авторитет, эмоциональное заражение, использование повторений, экспрессивных слов и жаргона. Показано, что виды телевизионного дискурса (ток-шоу, телебеседы, предвыборные дебаты) различаются по своим интенциональным характеристикам и приемам речевого воздействия (Григорьева, Павлова, 2012, 2014).

Среди каналов информационного воздействия с манипулятивным эффектом мы особо выделяем *канал воздействия образов*. Мы вводим и по ходу изложения материала раскрываем понятие «имаго-символосфера общества», охватывающее всю совокупность таких образов, воздействующих на образную сферу личности (Гостев, 2007, 2008). Образная сфера человека рассматривается как интегральная характеристика личности (через процессы «персонифика-

пии образного опыта»), как субъективная форма существования ее внутреннего мира. Учитывая современный масштаб информационного воздействия на человека посредством образов, рассмотрение его образного опыта как канала психоманипуляции становится актуальной задачей психологической науки.

Концепция образной сферы личности вносит свой вклад в осмысление психоманипулятивных информационно-психологических воздействий. Она раскрывает, например, ряд важных тем в изучении социальных представлений: а) взаимовлияние мировоззренческой картины мира человека и конкретных образов его социального восприятия; б) соотношение личностной и «надындивидуальной» семантик внутреннего мира (Петренко, 2010); в) зависимость социального восприятия от индивидуальных особенностей образной сферы человека; г) значение духовно-нравственной, религиозной ориентации людей и др. Именно духовно-нравственное начало обеспечивает реализацию позитивной силы образной сферы человека, ее положительное влияние на мир через «материализацию» образов. Психология образной сферы личности показывает роль защитных механизмов в построении и изменении картины мира: взгляды человека обычно сопротивляются пересмотру, и он непроизвольно отбирает факты, подтверждающие имеющиеся представления. Изучение *мифологического и символического компонентов* социального восприятия укажет на проблему понимания и переживания духовных смыслов.

Отметим важный методологический аспект, лежащий в основе теоретических положений подхода автора к теме психоманипулятивных информационных воздействий. Подчеркивается регулятивный аспект образной сферы человека, предполагающий *актуализацию и материализацию* образов во внутреннем мире личности и во внешней действительности. Люди смотрят на мир сквозь призму своих представлений о нем. Благодаря таким проекциям образов мир объективно изменяется. Иными словами, образы являются яркой иллюстрацией известного тезиса о том, что «мысль материальна».

Поэтому влияние на содержание образов социального восприятия – вид информационно-психологического оружия. Достаточно понять, что лозунги «Догнать и перегнать Америку», «Социализм с человеческим лицом» и т. п. приводили к непроизвольному формированию соответствующих образов. Советский человек стал интересоваться своим «мировоззренческим оппонентом» и геополитическим противником, и многие люди «потянулись» к нему. В то же время на всех этапах «холодной войны» для американцев советское/русское оставалось источником опасности. Поэтому, когда в книге говорится о существовании каких-то идей и о выражающих их образах, порой экзотических, не принадлежащих к «информационному мейнстриму» и даже неполиткорректных, – не следует их отбрасывать. Представления такого рода участвуют в делах конкретных стран и планеты в целом.

Образы любого содержания создают некий «информационно-энергетический» потенциал, сила которого определяется опорой на используемые данные, факты, аргументации, интерпретации и пр. И это делает понятным другой теоретический акцент в монографии – призыв к реализации императива *движения к максимальной адекватности познания мира и глобального социума*. Известный тезис «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» является для меня неприемлемым, ибо он блокирует это движение. Вместе с сокрытием, умалчиванием некой информации он составляет один из главных «китов», на которых базируется глобальная психоманипуляция.

В заключении Введения сформулируем ряд установочных принципов.

Информационно-психологическое воздействие (вне субъект-субъектного взаимодействия, от которого мы абстрагируемся) предполагает передачу информации от некоего источника к человеку, группе (аудитории в широком смысле) с целью изменения содержания системы сознания, психологических характеристик объекта воздействия, его поведения. Предметом воздействия выступают убеждения, мотивы, ценностные ориентации, идеалы и пр.

Информационно-психологическое воздействие происходит на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Оно может основываться на логике и аргументах и/или играть на чувствах, быть направленным (убеждения и внушения) и ненаправленным (подражание и «психическое заражение»), прямым, директивным и ориентированным на социальную среду объекта воздействия. СМИиК используют механизмы суггестирования, подражания, социального научения, конформизма, идентификации и т. д.

Методология книги тяготеет к макропсихологическому подходу (А. В. Юревич) применительно к взаимодействию социальной, политической, исторической психологии с междисциплинарным гуманитарным знанием. Идеи, предположения, выводы данной монографии основаны на академическом знании, которое, однако, должно быть соотнесено с реалиями глобальной психоманипуляции и применено для поиска средств противодействия ей. Некоторые научные положения из озвученных во Введении уже имеют свое подтверждение в реальности, и это отмечается в тексте. Определенное практическое применение теоретических данных в объяснении современных информационно-психологических войн увидит сам читатель.

Исследователям информационно-психологических воздействий следует озаботиться появлением рентабельного бизнеса по формированию сознания, – например, экономического сознания потенциальных потребителей или политического сознания электората. Общественное сознание становится «полем боя», на котором «врагов, одетых в твою форму» и владеющих высокоточным информационным оружием, трудно различать. В этой связи психологическое воздействие СМИиК вызывает опасения не только на уровне массового сознания, публицистики, но и на академическом уровне. В книге приводятся высказывания многих академических психологов, которые говорят о прививке чуждых или социально неприемлемых норм поведения и образа мыслей, о навязывании товаров/услуг, снижении критичности восприятия, формировании нереалистичной картины мира. А. Е. Воробьева и А. Б. Купрейченко, например, подчеркивают, что современная российская молодежь подверглась сильному воздействию через массмедиа и коммерческую рекламу ценностей, несвойственных традиционному российскому обществу (Воробьева, Купрейченко, 2012а, б).

Принцип *активности человека* как объекта информационно-психологических воздействий требует уточнения с учетом возможности пребывания человека под влиянием психоманипуляции на более тонких духовно-нравственных уровнях воздействия. Относительно всех идей о том, что человек в поиске способов удовлетворения своих желаний сам определяет, какую информацию ему следует «потреблять», отметим, что речь идет о потребностях уже подвергшегося манипуляции обывателя. Активный субъект творческого поиска информации, являясь в то же время объектом информационного воздействия, подходит к процессу противодействия психоманипуляции, уже находясь во власти иллюзий и искажений социального восприятия. В этом случае он может быть неадекватно политкорректен (на фоне краха европейского мультикультурализма), наполнен ложными либеральными идеями, – в частности, уверен в объективности мировых массмедиа, в справедливости образа «агрессивной России». Он может не признавать Нравственный Закон как духовную основу мироздания, не понимать метаисторического контекста происходящих в мире событий. Понятно, что любой творческий поиск истинной информации будет обречен на существенные искажения. В то же время активность человека – это залог его большей успешности в контрманипуляции, чем у пассивного потребителя информации.

Важнейшим ресурсом понимания глобальной психоманипуляции выступает учет принципа умолчания истинного положения вещей. С позиции проблем глобальной психоманипуляции подчеркнем, что ее главной задачей становится недопущение того, чтобы люди осознавали суть происходящего, анализировали события, подвергали сомнению информацию в СМИиК. Необходимо включить в научный анализ потенциал непубличных влияний в ходе идеологического, социально-политического, экономического проектирования на глобальном наднаци-

ональном и национально-государственном уровнях. Предметом изучения должно стать то, как и насколько мировые СМИиК ориентируются на интересы своих владельцев и спонсоров.

К сожалению, несмотря на то, что понятия «тайной дипломатии», «непубличной политики» являются общепринятыми в науке, «тайные пружины истории» признаны и изучаются историками, очень многие продолжают считать, что все в мире полностью публично, «происходит само собой». В связи с темой активной аудитории, стремящейся самостоятельно искать информацию в СМИиК, т. е. желающей противостоять информационно-психологическим манипулятивным воздействиям, отметим усилившуюся на сегодня тенденцию запроса на альтернативную информацию. Эта тенденция актуальна и в том плане, что на Западе заговорили о цензуре информации как информационной защите. Возник очередной двойной стандарт, неприемлемый для человека, нежелающего «промывки мозгов»: цензура уместна «для себя» внутри информационного пространства «коллективного Запада», но продолжает оставаться объектом жесткой критики с позиций демократических свобод и прав человека в других странах. Именно с этими моментами связано, например, то, что телеканал «Russia today» набирает популярность в мире. (В телепередаче «Право знать» на ТВЦ от 08.02.2015 данные вопросы обсуждались.) Цензура в мировом информационном поле хорошо видна через сокрытие информации, например, о грузинских событиях 2008 г., об украинском майдане 2004 и 2013–2014 гг. и послемайданной Украине. Прорвавший информационную блокаду фильм Поля Марейры имел «эффект разорвавшейся бомбы», и, соответственно, были предприняты попытки его дискредитации.

Тенденция усиления поиска новых источников информации, несомненно, положительна в том смысле, что это шанс раскрывать людям глаза на негативные аспекты процессов глобализации, на ее рукотворную проектность. Но надо учитывать, что желание уходить от «информационного мейнстрима», слышать альтернативные трактовки событий, в том числе и неполиткорректные, не застраховывает от психоманипуляции. Через организацию альтернативности мнений можно вести вполне определенную информационную политику.

Еще один важный установочный момент связан с существованием в мире взаимовлияния, взаимообусловленности *спонтанно* возникающего и *экспортируемого* социально-политического и информационно-психологического хаоса. С одной стороны, например, против России идет целенаправленная информационно-психологическая война, исходящая из метаисторических, проектно-цивилизационных, стратегических и текущих тактических геополитических целей, с учетом происходящих событий «в роли» обратной связи. Информационные воздействия на граждан Российской Федерации ведутся на фоне идеологического, мировоззренческого проигрыша, поражения в «холодной войне». Это «дает фору» субъектам информационных воздействий в их влиянии на внутренний мир личности современного россиянина и одновременно ослабляет возможности его противодействия психоманипуляциям. Поэтому, с другой стороны, необходимо изучать те социально-психологические внутренние условия, через которые осуществляются внешние информационно-психологические атаки. В этом плане спонтанно возникающий информационно-психологический хаос выходит в число первоочередных тем исследования. В мире есть силы, заинтересованные в уничтожении традиционной государственности. Все происходящее сегодня с Россией является результатом длительной целенаправленной работы (Шалыганов, 2012).

Предметом нашего интереса выступает выстраивание концептуально-терминологических мостов между пониманием глобальной психоманипуляции и «стратегической психологией глобализации» (Стратегическая психология глобализации, 2006). Стратегическая психология изучает будущее человека, круг проблем, которых еще нет, но появление которых можно предсказать. Глобализация в понимании стратегической психологии – это глобальные психологические изменения в мировоззрении людей, в их жизненной позиции и образе жизни. Отметим, что предмет стратегической психологии находится в конце сложной цепочки научных

понятий, которые в психологической науке не рассматриваются. Для разработки объяснительных принципов процессов глобализации, подчеркивает А. В. Юрьев, необходимо привлечение психологии бессознательного, психологии воли, психологии веры. Для раскрытия механизмов глобальной манипуляции важно знать о совершающихся подменах значимых понятий. *Усилия разума заменяет готовая информация* (которая может быть легко фальсифицирована). *Эквивалентом бессознательного выступает виртуальность*: происходит погружение человека в мир несуществующего, но представляемого как реальность; создан глобальный рынок нереального. *Эквивалентом веры становится лицедейство*: вера (в широком смысле) заменяется изображением внешних атрибутов культа (одежда, манера держаться и т. д.). Многочисленные тренинги учат «казаться», учат изображать вторичные качества личности и признаки веры. Имиджмейкерство, политмаркетинг, избирательные технологии – это технологии имитации. *Деньги подменяют волевые усилия по достижению цели*: они гарантируют преодоление жизненных трудностей, покупают любую информацию, создают любой китч, обеспечивают любое лицедейство (там же, с. 32–35).

Актуальной проблемой является рассмотрение психологических элементов системы глобализации, – самостоятельных, но пересекающихся. Элементы глобализации влияют на психику человека, вызывая у него изменения в картине мира, жизненной позиции и пр. Огромное предметное поле для изучения задает анализ А. В. Юрьевым психологических функций системы глобализации, механизмов влияния глобализации на человека и общество. Рассмотрены изменения политики, в частности, в связи с идеей ее «театрализации». С точки зрения изменения мировоззрения глобализация анализируется как новая культура, виртуальная реальность, символическая среда, «мир без границ», сетевое общество, «разрыв поколений», «новый демографический переход», изменение демографического баланса мира. Психология призывается осмысливать глобализацию как кризис национальных государств. Главная же психологическая проблема глобализации – изменение человеческого капитала, стратегии его формирования и накопления. Это, соответственно, тема изменения самоуправления человека как личности (политическая свобода), субъекта (экономическая свобода), индивида (личная свобода), индивидуальности (интеллектуальная свобода). «Свободный человек, подчеркивает А. В. Юрьев, – человек, защищенный от искушений глобализации и извлекающий пользу от ее возможностей» (там же, с. 99). Со своей стороны, заметим, что стать свободным в этом прочтении можно лишь осознавая духовно-метафизический и метаисторический смысл происходящих в мире событий.

Опираясь на заданные акценты в понимании роли субъективного фактора происходящих процессов, в главах этой книги мы выскажемся по многим поднимаемым в стратегической психологии глобализации вопросам.

Особо значимый теоретический момент связан с рассмотрением духовно-нравственных аспектов информационно-психологических воздействий³. Негативность их социальных последствий, по мнению А. Н. Лебедева, состоит не столько непосредственно в самих воздействиях, сколько в пропаганде их силы, в закреплении представлений о технологиях воздействия (Лебедев, 2012). Можно согласиться, что информирование человека о манипулятивных психотехнологиях способно усилить эффект их воздействия. Но вряд ли стоит сегодня продолжать упорно говорить о человеке исключительно с материалистических позиций. Психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия тесно в этих рамках, особенно при

³ Здесь хочу отметить соотнесение моего подхода со следующими работами: Воловикова, 2005, 2011, 2012; Воловикова, Журавлев, 2016; Воробьева., Журавлев, Купрейченко, 2007; Воробьева., Купрейченко, 2012а, б; Нравственность современного российского общества: психологический анализ, 2012; Проблемы нравственной и этической психологии в современной России, 2011; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психологические исследования нравственности, 2013; Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества, 2014; Психология нравственности, 2010; Соснин, 2012а; Юревич, 2012.

наличии новых знаний о природе сознания в рамках «новой физики» (Гостев, 2008, 2011а, б; Гостев, Борисова, 2012). Поэтому я подчеркиваю, что осмысление психологического воздействия на человека современных информационных потоков с необходимостью предполагает рассмотрение духовно-нравственных смыслов, области метафизики. «Чтобы осмыслить ситуацию на планете, нужно выйти в область метафизики и связать ее с окружающей действительностью» (Шалыганов, 2012). Система человеческого сознания, способная противостоять глобальной психоманипуляции, должна быть высоконравственной, духовно просвещенной и освященной. Это должно быть сознание, охватывающее с подобных позиций баланс глобальности и национально-культурного разнообразия, признающее вкпе вселенскую ценность общечеловечности и ценность уникальности локальных культур и традиций.

* * *

Итак, читателю предлагается разноплановое и вместе с тем достаточно целостное видение проблемы тотальной манипуляции внутренним миром личности, которая подвергается различным информационно-психологическим воздействиям. В каждой из глав психоманипуляция освещается под определенным углом зрения, задаваемого принципом множественности описания предмета.

Автор выражает надежду, что книга будет полезной для широкого круга читателей, интересующихся проблематикой информационно-психологических воздействий, вопросами защищенности внутреннего мира личности от деструктивности и психоманипулятивности некоторых из них. Монография содержит знания, актуальные как для ученого-теоретика, так и для практика, работающего с проблематикой индивидуального и общественного сознания, духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Представленный материал призван сформировать более целостное понимание тематики психоманипуляции, ее деструктивной роли на различных уровнях социальной жизни людей, включая глобальный. Книга рассчитана на специалистов в области психологии, философии, социологии, политологии, культурологии, других областей человекознания, а также на всех тех, кто просто интересуется тематикой социальной, политической, исторической психологии.

Глава 1. Многомерная и многоуровневая тотальность психологических воздействий в современной информационной среде

1.1. Социальное восприятие как объект психоманипуляции

Необходимым аспектом изучения проблемы информационно-психологического воздействия является исследование социального восприятия, формирования систем социальных представлений и мировоззрения в целом под влиянием поступающей к человеку информации. Исследования закономерностей воздействия на социальное восприятие характеризуются многозначностью, фрагментарностью, малой практической применимостью научного знания, недостаточным учетом духовно-нравственного контекста. Такое состояние проблемы понятно: вопрос предполагает многоуровневое исследование – на философско-мировоззренческом, социально-психологическом, индивидуально-личностном уровнях – с созданием целостного, системного видения темы.

Любые представления о социально-психологических реалиях – это и понятийные знания, и конкретные предметные образы. Например, у памяти на исторические события всегда есть полимодальный образ-референт. Именно через переживание образа человек способен на уровне инсайта прочувствовать и даже понять некую социально-политическую проблему. Роль образов просматривается в психологии общения в связи с усвоением человеком групповых норм, пониманием внутреннего мира других людей. Важной проблемой, следовательно, является изучение *субъективной формы* социальных представлений. Актуально определить и типологию социального восприятия в связи с личностными особенностями (Абульханова, 1997). Аналогичную задачу следует поставить и относительно изучения социального прогнозирования. При исследовании роли образной сферы человека в отражении происходящего и перспектив страны/человечества встает проблема адекватности образов относительно и «искренних социальных утопий», и «апокалипсических ожиданий», а также навязываемого видения будущего в интересах авторов и исполнителей определенных социально-политических и экономических проектов.

Изучение манипулирования представлениями людей о социальной реальности связано с проблематикой *социальной установки* (аттитюда), которая описывает устойчивую систему социальных представлений, предрасполагающих к определенным реакциям. В частности, речь идет об особенностях сохранения людьми *ценности* объектов социального восприятия, несмотря на изменения социальной среды. Выход на аксиологический аспект образного опыта обеспечивает «жизненность» идеологических форм, через которые осуществляется социальная регуляция (Шихирев, 1999). В раскрытии взаимовлияния социальных установок и образов социального восприятия (аттитюды влияют на образы, сами подвергаясь их влиянию) значимо соотнесение особенностей социальной установки как с глубинной психологией человека, так и с его духовно-нравственной сферой. Для изучения психологических воздействий полезно учитывать различия в теоретической интерпретации социальной установки, – например, в понимании ее как переживания ценности социального объекта, или состояния готовности (предрасположенности) к социальному действию, или фактора устойчивости к социальным влияниям (там же).

Изучение манипулирования внутренним миром человека предполагает опору и на понятие *социального стереотипа* – устойчивую совокупность представлений, складывающихся у человека на основе жизненного опыта совместно с влиянием других источников информа-

ции. Уместно вспомнить об «утонченности» и исключительной силе внушения на основе стереотипов (Липпман, 2004). Это неудивительно, так как в подобном случае широко используются метафоры и мифология. Актуальность изучения стереотипов в связи с воздействием на социальные представления людей возрастает. Достаточно указать на создание «политика по заказу», имидж которого выстраивается в соответствии со стереотипами массового сознания. Для нашего анализа важно, что стереотипы являются одновременно и «автоматизмами» внутренней жизни человека, и компонентами группового сознания различного уровня. И тот, и другой вид стереотипов имеет образную форму. Люди предметно представляют себе социальные явления и как-то их оценивают, прежде чем непосредственно сталкиваются с ними. Стереотипы не только фиксируют социальные отношения, но и выступают «фильтрами» социального восприятия, защищающими внутренний мир личности от инновационных потрясений и манипулятивных воздействий. Поэтому в изучении информационно-психологических воздействий надо рассматривать и *охранительную*, и *разрушительную* роль стереотипов. Заметим, что стереотипизация традиционно связывается с механизмами психологических защит, также имеющих двойственное значение, особенно относительно духовно-нравственных смыслов (Котенева, 2010, 2013). Изучение групповых стереотипов помогает выявлять отрицательные воздействия корпоративной этики.

Психоманипуляция эффективно использует инерцию стереотипов, за счет которой люди могут не видеть происходящие социально-политические и идеологические процессы. Поэтому актуально знание о факторах, обеспечивающих отбор или отвержение навязываемых человеку образов, о соотношении в обществе стереотипов новых и старых. Применительно к российской аудитории следует отметить существующие советские стереотипы, стереотипы, традиционные для менталитета «исторической России», и прозападные стереотипы, сформированные за три последних десятилетия. К роли стереотипов в информационно-психологических воздействиях мы вернемся в главе 4.

Закономерности формирования *социальных представлений* играют ключевую роль в понимании механизма психоманипуляции. История изучения собственно социальных представлений восходит к Э. Дюркгейму, который подчеркивал роль коллективных представлений в регуляции общественной жизни. Указывалось, что формы общественного сознания (религии, идеологии и т. п.) образованы совокупностью соответствующих коллективных представлений в процессе социального взаимодействия – тайна общественной жизни находится в мифах, в верованиях людей. Это подчеркивает значение духовно-нравственного начала для противодействия психоманипуляциям. Традиционные формы общественного сознания – религия, идеология, мораль – образованы соответствующими представлениями.

В истории изучения социальных представлений (Абульханова, 2002; Воловикова, 2012; Емельянова, 2006; Московичи, 1995; Шихирев, 1999; и др.) для нас особый интерес представляет тезис о единстве образной формы и смыслового содержания – *перевод понятийного знания* о личностно-значимом объекте *в образную форму* и присоединение данного образа к представлениям, уже имеющимся у человека. Исследования показали, что социальные представления, являясь каналом связи человека с миром, выполняя функции описания, интерпретации и объяснения реальности, регулируют общественную жизнь. Социальные представления, связанные с культурой, зависящие от контекста и условий своего возникновения, от взаимодействия человека с действительностью, а также от каналов циркуляции, а) выступают универсальным механизмом социального познания (в функциях описания, интерпретации и объяснения), соотносящим индивидуальное и общественное сознание; б) выражают отношение как некой общности к тому или иному объекту/событию, так и мнение человека как члена группы, класса, культуры; в) охраняют стабильность сознания и здравый смысл в интерпретации фактов при их включении в уже существующую у человека «картину мира»; г) являются социально обусловленным продуктом обыденного мышления. Социальные представления могут быть кон-

статирующими, консервативными, ригидными, установочными. Их формирование осуществляется понятиями, нормами, идеалами, традициями общества и т. п. Показано, что этот опыт может актуализироваться лишь в проблемных социально-политических ситуациях в зависимости от индивидуальных особенностей человека. Так, для одних людей представления о финансово-экономической сфере всегда актуальны и интересны, а у других они находятся на периферии социального восприятия.

Законы функционирования социальных представлений объясняют как механизмы психоманипулирования, так и устойчивость к нему людей, – и на индивидуальном, и на групповом уровнях. Характеристики социальных представлений и индивидуальные особенности их носителя взаимосвязаны цепью сложных закономерностей. Их проявление предполагает изучение сознательного и неосознаваемого уровней детерминации социального восприятия. Для раскрытия каналов психоманипуляции важны знания о барьерах проникновения групповых представлений в индивидуальное сознание (по сферам жизнедеятельности людей). Так, представления могут выражать мировоззренческую позицию человека, являться для него абстрактным знанием, требовать «внутренней ломки», блокироваться психологическими защитами (Абульханова, 2002). Важны также особенности образов социального восприятия. Конкретность, четкость образов помогает интерпретировать происходящее, осознавать противоречия в получаемой информации. Личностно-значимые представления связаны со всей системой психического отражения-регулирования, а нейтральные, неопределенные представления более изолированы. Поэтому с изменением конкретных представлений меняется вся система социального восприятия.

Личностно-значимые представления в силу большей субъективности могут создавать «бреши» для психоманипуляции. С другой стороны, именно личностная значимость образов социального восприятия, определяющая то, насколько ясно человек что-то представляет, помогает осознавать противоречия, существующие между классами представлений, по генезу и содержанию (например, моральные и правовые представления людей могут противоречить друг другу). Ценностная иерархичность представлений дает характеристику их консерватизма («привычности»), обеспечивающую определенность картины мира. Актуальная проблема в этой связи – экстраполяция личного опыта на глобальный уровень социального восприятия.

Важная особенность психоманипулирования социальным восприятием связана с тем, что одни представления могут накладываться на другие, совпадая или не совпадая по содержанию, могут подтверждать их, способствуя возрастанию субъективной уверенности в образах, не нуждающейся в обосновании. Но новые образы могут и опровергать сложившуюся систему социальных представлений, что подталкивает человека к поиску путей преодоления сложившегося диссонанса.

Для изучения механизмов манипуляции социальными представлениями актуально также рассмотрение следующих аспектов:

1. Влияние на внутренний мир личности жизненных обстоятельств, социального положения человека и его групповой принадлежности. Так, человек, столкнувшийся с бюрократизмом судопроизводства, будет иметь иные образы о судебной системе страны, чем тот, кто считает справедливым решение его дела. В СССР по-разному воспринимали страну и мир люди «выездные» и «невыездные».
2. Понимание человеком ценностно-смыслового содержания своего социального восприятия; взаимодействуя друг с другом, социальные представления дают ценностные ориентиры в построении «картины мира».
3. Влияние и интерференции различных идей планетарного, национального, корпоративного и пр. масштабов.

Мифологические и символические представления

Изучение образной сферы человека как канала психоманипуляции касается феноменологии символических образов и ярких экзистенциальных переживаний, имеющих метафизическое содержание. Актуально и изучение *мифологических представлений*. Они могут содержать в себе иррациональную компоненту, часто религиозно-мистического содержания, а могут проявлять и «секулярную манипулятивную силу» – способность замещать в сознании страшные образы действительности. Художественная литература, например, может заменить реальный образ войны мифом. Во Франции в 1940 г. были сильны пацифистские представления на основе романов А. Барбюса, Э. М. Ремарка (Кара-Мурза, 2000).

Мифологические представления, отражая особенности картины мира у различных народов, глубинные пласты их самосознания, выражая мировосприятие в конкретную эпоху, являются составной частью социально-политических традиций народов или доминирующих в данный момент коллективных представлений. Миф – это некая коллективная фантазия народа, обобщенно отражающая действительность в виде конкретных персонификаций (Аверинцев, 2006). О мифе как продукте коллективного духовного творчества конкретного народа говорил В. Вундт.

Мифологические образы достоверны в плане своего переживания человеком, что и делает их важным регулятором социальной жизни. Раскрытие в мифах идеалов людей, их потребности в гармонизации отношений с миром очевидно на примере сказок и легенд. Религиозно-мистическая компонента мифологических представлений соединяет повседневную жизнь людей с высшими аспектами их бытия и тем самым воздействует на образы социальной реальности на индивидуальном и групповом (разного масштаба) уровнях.

Особая роль в рассмотрении мифологического сознания принадлежит выдающему отечественному философу А. Ф. Лосеву, который подчеркивал связь мифа с метаисторией, говорил о его особой познавательной функции в этом контексте (Лосев, 1990, 1997, 2001). Мифология не является иллюзией, вымыслом, некой низшей формой отражения реальности (свойственной детскому и первобытному мышлению), а выступает специфической формой выражения некой идеи или события. Философ анализирует миф как *реальное непосредственное событие, как подлинно-конкретную действительность*: для субъективного отражения действительности мир является таким, каким его репрезентирует миф. Опираясь на идеи философа, мифологические образы мы будем рассматривать как *особую специфическую форму символического отражения объективной реальности, включая и события метафизической природы*. Также отметим, что мифологические образы соединяют социально-политическую реальность (всегда, как известно, опирающуюся на мифологемы) с глубинными областями психики, хранящими опыт человечества в его взаимосвязи с «вселенскими измерениями» и их метафизическими влияниями. С этих позиций следует рассматривать и *символические* образы: миф выступает символическим отражением событий в невидимом духовном мире, а символы имеют и свои неземные законы (Кара-Мурза, 2000, с. 442). Метафорическо-символический язык значим для трансляции (в искусстве и религии) духовных смыслов и содержания религиозной веры. Символ воздействует на человека, потому что в нем объединяются две реальности – материально-физическая (вид символа) и духовно-метафизическая (смысл и содержание символа) (подробнее см.: Гостев, 2008).

Важным аспектом изучения психоманипуляций является раскрытие роли мифологизированных представлений в трансформации социального восприятия. Именно такие представления способствовали идеализации реформ/перестройки в 1990-е годы или, наоборот, сгущали краски над «рыночным обманом». Психология должна осмыслить мифы, появившиеся за последние почти тридцать лет. В частности, в какой мере образ советского прошлого был

искажен манипулятивным воздействием (например, насколько представление об «убожестве народного хозяйства» было иллюзией)? При этом следует подчеркнуть необходимость с осторожностью подходить к демифологизации социальных представлений. Сегодня видны плоды пренебрежения к реальным ценностям в российском общественном сознании – «героическому труду народа», «подвигу в войне» и т. п.

Носителем символа выступает сигнал, имеющий любую физическую природу и доступный органам чувств. Информация символа, как подчеркивает И. С. Смирнов, – значение, которое уже имеется в психике получателя или тут же ему присваивается (это к вопросу, может ли символ воздействовать, если человек не знает значения символа). Количество информации символа не сопряжено со значимостью символа для конкретного человека. Значимость символа поэтому является семантической мерой количества информации символа при его восприятии и последующей обработке в психике. Значимость символа можно описать как *смысл* (Смирнов, 2003). Соответственно, изучение информационно-психологических влияний предполагает раскрытие роли понимания людьми содержания/смысла воздействующей символики. Народами правят символы. Но их надо не только правильно воспринимать, но понимать, что толкование символики может быть предложено в соответствии с заказом на определенное информационно-психологическое воздействие.

Сциентистский подход к влиянию символики на внутренний мир человека выразил А. Н. Лебедев, который указывает, что символика сама по себе не способна влиять на человеческое сознание/ подсознание, если человеку неведом ее смысл (Лебедев, 2012). Воздействие обязано знанию о конкретной символике, которое ему предшествовало.

Но все же проблема восприятия символики, ее «непроизвольного излучения», в том числе независимо от осознания человеком смысла символики, представляется мне более сложной. Особенно если вспомнить о существовании определенной феноменологии, достаточно известной в различных религиозно-мистических традициях. Индивидуальные «обереги», имеющие свою специфику и рамки применимости, «работают» без знания человека о содержащейся в них символике. Так, «охрана» жилищ на уровне защитной символики также предполагает, что она будет работать и без знания ее смыслов. Символы применяются и для «духовной приватизации», – например, для «метки территории» – символическом обозначении «Это принадлежит мне» (например, масонские пирамидки на крышах зданий в городах – далеко не случайный креативный инсайт архитектора, вызванный его эстетическими предпочтениями).

Смысл символа может быть записан в архетипической памяти, и в этом случае его влияние будет иметь место при раскодировании подобной информации на уровне неосознаваемых сфер психики. Отметим и феномен «тонких переживаний» человека от контакта с определенной символикой, когда он чувствует специфику ее энергоинформационного влияния («излучения»).

Итак, мифологизированные представления несут в себе как иррациональную компоненту, в том числе метафизического содержания, так и «секулярную манипулятивную силу», способную замещать в сознании образы действительности. Эти представления, отражая особенности картины мира различных народов в конкретную эпоху, являются составной частью социально-политических традиций народов или доминирующих в данный момент коллективных представлений. В связи с ними рассматриваются и *символические образы*. Метафизическое содержание данных образов расширяет научное представление о многоуровневости субъектов информационных воздействий.

1.2. Общие сведения о психоманипулятивных информационных воздействиях

Предисловие к монографии ясно обозначило в теме информационных воздействий геополитический контекст. Поэтому данный раздел начнем с примеров манипуляций общественным мнением в сфере мировой политики.

Вспомним события в Югославии в 1990-е годы. Антисербская позиция мирового сообщества была создана на основе преднамеренно искаженных образов происходящего. Показательна фотография «сербского лагеря смерти», на которой мы видим лицо боснийского мусульманина за решеткой. Но оказалось, что изображен был пункт сбора беженцев (Кара-Мурза, 2000, с. 207). Фальшивкой оказались и кадры «радости палестинцев» 11 сентября 2001 г.: данный видеоматериал был заснят в 1991 г., в ходе информационной компании относительно оружия массового поражения в Ираке.

Показательна информационная подача украинских событий 2013–2016 гг. в мировых СМИиК. Здесь искажение фактов достигает фантастических масштабов (например, ополченцы Донбасса убивают мирных жителей). Сирийские события добавляют иллюстраций.

Исходя из актуальности изучения духовно-нравственного аспекта информационных воздействий, отметим и роль СМИиК в формировании отрицательных установок относительно православия. Афонский старец Паисий, например, отмечал умение журналистов правдоподобно, но ложно отобразить жизнь монастыря в неприглядном виде. Создание негативных образов относительно Русской православной церкви мы видим и в России.

Разоблачение фальсификаций и искажений, как правило, замалчивается или дается на малочитаемых страницах газет и в неудобное время телевещания (Назаров, 2003, с. 75).

С помощью приемов информационно-психологического воздействия можно добиться значительного снижения адекватности социального восприятия. И люди начинают искаженно представлять происходящее в мире, события в своих странах, перестают разбираться в ситуации, давать правильные оценки, доходя до путаницы «белого» и «черного». Главное направление манипулирования социальными представлениями – отрыв от реальности, виртуализация внутреннего мира человека. Манипулирование массовым сознанием форматирует и дозирует источники информации, задавая «правильное» ее восприятие. Еще Э. Фромм указывал, что работа, потребление, досуг современного человека манипулируются с помощью рекламы и идеологии. Человек становится «отрегулированным», и любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в некую общую тенденцию общественного сознания, создает ему дискомфорт, который устраняется преодолением когнитивного диссонанса. Это приводит к парадоксальным вещам. Например, люди, придерживающиеся либерально-демократических принципов, не видят роста психоманипуляции через кино- и видеобизнес, рекламу, СМИиК, пиар-технологии, имиджмейкерство, отнимающее реальную свободу нравственного самоопределения.

В итоге человек начинает, не осознавая этого, думать, чувствовать, вести себя в соответствии, как минимум, с общим спонтанным потоком информации от имаго-символосферы страны и мира в целом, а как максимум – с целями конкретных заказчиков психоманипуляций. Последние могут преследовать различные цели – тактические, отражающие текущие в мире события, и более замаскированные стратегические. Конечно, психоманипуляция происходит с различной степенью эффективности, в зависимости от тех факторов, которые мы рассматривали во Введении. Принцип активного, творческого восприятия информации, индивидуальные и личностные особенности воспринимающих, другие факторы-фильтры информационных воздействий, несомненно, создают определенную «информационную подушку безопасности». Но тенденцию значительных искажений массового сознания это не отменяет.

Циркулирующие в обществе образы, символы становятся частью внутреннего мира личности. Все, что воспринимается человеком, остается в его подсознании навсегда – таковы законы функционирования его образной сферы. На сегодня нет способов стирать память, но возможно закрывать и вновь открывать доступ к памяти (Смирнов, 2003). Информация часто покидает сознание и перемещается на более глубокие уровни психического отражения-регулирования. И информация с отрицательным духовным зарядом будет продолжать свое разрушительное действие. «Информационное потребление» может быть ядом, «информационным мусором», который выплескивается в мир, негативно воздействуя на него. Психика людей вынуждена обрабатывать громадные массивы вредной для души информации, поступающей по всем каналам имаго-символосферы. Мы видим, что в ее воздействии все активнее используется «приземленное», а порой и «животное» начало в человеке. Политкорректный обыватель уже запрограммирован на эскалацию удовлетворения «искусственных потребностей» в достижении максимального качества жизни на фоне размывания нравственных критериев.

Нельзя недооценивать действие образов деструктивного (для духовно-нравственной сферы личности) содержания. Пора буквально кричать о «войне образов», в которой все глубже размываются духовные, нравственные основы бытия. С одной стороны, мы все еще видим семантику образов, способствующую духовно-нравственному развитию личности, с другой – личностно-деструктивное содержание образов. В результате «войны образов» традиционно понимаемое добро становится «злом», а зло – «добром», и на этом фоне возможна любая психоманипуляция.

Способность человека фильтровать и оценивать воспринимаемую информацию, несмотря на весь потенциал активного потребителя информации, противостоящего манипуляциям с ней, имеет предел. Огромный поток информации в современных СМИиК создает условия для некритичного ее усвоения людьми. Специалисты и простые пользователи каналов СМИиК отмечают возникновение равнодушного и даже циничного отношения к воспринимаемой информации. Появляющиеся эмоции сходны с переживаниями виртуальных потерь в компьютерной игре, – яркий показатель «общества спектакля», в котором люди знают, что живут среди вымышленных образов, но подчиняются их содержанию (Кара-Мурза, 2000, с. 260). И стоит ли удивляться, что кадры последствий обстрелов Донецка и Луганска и другие транслируемые «картинки» проявления насилия, агрессии, враждебности в мире не рожают адекватного эмоционального отклика, вызывающего мобилизующие опасения относительно безопасности в настоящем и угроз будущего? Равнодушие и установка «Моя хата с краю», которые отчетливо видны сегодня в нашей стране, могут не пройти, пока не «грянет гром».

Социально-политическая жизнь любого общества невозможна без манипуляций с массовым сознанием. Но какие воздействия на общество приемлемы (например, способствуют умиротворению, успокоению людей относительно неких событий), а какие – нет, ни при каких обстоятельствах? Где грань, за которой начинается деструктивное действие психоманипуляций? В каком-то смысле содержание данной монографии представляет поиск ответа на данный вопрос.

В вопросе о допустимости преднамеренного влияния на социальные представления людей существуют две точки зрения. Одна из них говорит о том, что переход от прямого принуждения к манипуляции сознанием является прогрессивным шагом в управлении обществом. Другая точка зрения считает недопустимой любую психоманипуляцию, поскольку в этом случае происходит посягательство на свободу духовно-нравственного самоопределения человека. Психоманипуляция лишает людей свободы выбора в определенном смысле в гораздо большей степени, нежели физическое принуждение, поскольку она обладает незаметным влиянием, превращая человека в существо, социальные установки и представления которого программируются (Кара-Мурза, 2000, с. 47).

Под психоманипуляцией мы будем понимать не замечаемое человеком психологическое и духовно-нравственное воздействие, программирующее внутренний мир личности задаваемыми мнениями, социальными представлениями, мировоззренческими смыслами и т. п. Для этих целей используются вымышленные идеалы, мифотворчество, искажение, конструирование исторического знания и пр. В результате искажения социального восприятия люди начинают жить в виртуальной реальности, способной даже «заставить человека действовать против собственных и национальных интересов» (Филимонов, 2003, с. 29).

Главный принцип психоманипуляции – создать видимость свободного выбора и сознательного формирования убеждений. Фактически же такой возможности человека лишают. Один из значимых критериев успеха манипуляции заключается в том, что манипулируемый верит, что всё происходящее естественно и неизбежно, что лично он действовал независимо, свободно, добровольно, сознательно.

В работах С. Кара-Мурзы (Кара-Мурза, 2000, 2002) мы находим ряд других определений и пояснений анализируемого понятия, важных для исследования тематики информационного воздействия. В частности, психоманипуляция – это тайно производимое психическое воздействие в ущерб лицам, на которых оно направлено (Франке, 1964). «Пропагандистская манипуляция» (Борецкий, 2011) – последовательно и целенаправленно осуществляемое управление массовым сознанием и поведением в сторону отклонения его от реальной действительности и обращенное преимущественно к иррациональной сфере восприятия. Необходимо также различать обман и манипуляцию. Если, например, спрашивающего дорогу в магазин человека направить в ложном направлении – это обман; если же человеку помочь захотеть пойти в другое место, то это манипуляция.

Отметим использование авторитета науки в психоманипуляции: это важный аспект влияния на мировоззрение человека, его картину мира. Имитируется, например, беспристрастность экспертов, обосновывается «нужное» абстрагирование от «второстепенного», подбираются ученые с «нужными» мнениями (Кара-Мурза, 2000, с. 223–230). Процесс облегчается тем, что в современной науке царит плюрализм «научных картин мира»: никакая истина не абсолютна и любое мнение имеет право на существование. Это дает манипуляторам возможность более гибко подбирать нужную версию обоснования.

Существуют различные термины, относящиеся к теме манипуляции информационно-психологическими воздействиями, – например, «психотронное оружие». В широком смысле под ним подразумевается управление состоянием и поведением человека, скрытыми сублиминальными информационными воздействиями, идущими мимо его сознания и вопреки его свободной воле. В более узком смысле – «технотронное» воздействие с применением «полевых» и даже «техномагических» влияний (Файдыш, 2013). Близкими по смыслу научными терминами являются «программирование психики», «ментальный контроль». Но встречаются и ненаучные заимствования, относящиеся к эффектам психоманипуляции, особенно в научно-популярной литературе и публицистике: например, «промывание мозгов», «психозомбирование» и пр. Нам представляется допустимым пользоваться данными терминами как некими «научными метаформами», тем более что интерес и внимание в околонуучных кругах к теме психоманипуляций значительны, а сами эти «научные метафоры» на образно-ассоциативном уровне подчеркивают суть проблемы. Еще один термин, относящийся к информационно-психологическим воздействиям, – «мягкая сила» (soft power). Рок-музыка, джаз и кока-кола сделали для влияния Америки на мир больше, чем ее военная мощь. Подробнее о данных и других терминах мы будем говорить в тексте, соотнося дефиниции с содержанием рассматриваемого материала.

Итак, манипулирование социальным восприятием людей – это влияние на него посредством специальных приемов с целью *информационно-психологического воздействия на психику* конкретного человека, на поведение социальных общностей людей, включая народы и госу-

дарства. Методы информационно-психологического воздействия позволяют человеку, субъективно не меняя убеждений, менять оценки социально-политических явлений или не замечать «помощи/подсказок» в интерпретации фактов. СМИиК, как известно, придают некоему событию значимость (приоритетность) за счет объема его освещения и места в информационном потоке. Во все времена пропаганда основывалась на многократном воспроизведении смыслов. При этом, как подчеркивает И. В. Смирнов, некорректная или злонамеренная компоновка аудио- и видеоматериалов и печатной продукции имеет фатальное значение для психики (Смирнов, 2003). Иными словами, манипуляция основана на разных формах обмана, ложной, искаженной информации, ложных обоснованиях и толкованиях, при сокрытии содержания, направленности, целей субъекта информационных воздействий. Примерами могут быть принятие в «новой России» законов с замалчиванием их целей и последствий для страны и людей. В 1990-е годы в Российской Федерации была конституционно оформлена подчиненность законодательства России международным законам, что явилось мощным ударом по ее суверенитету. И на этом уровне мы сталкиваемся с инструментом деструкции государств – с «информационным и организационным оружием». Знания об этом оружии, накопленные в информационно-психологических войнах, становятся неотъемлемой частью нашего анализа.

1.3. Психологическое воздействие как информационное оружие

Понятие информационной войны часто употребляется для обозначения войны психологической. Уместно объединять оба термина и говорить об информационно-психологической войне, ибо главное в ней – это достижение психологического эффекта посредством информационных/дезинформационных атак. *Информационно-психологическая война представляет собой многоплановое, широкомасштабное длительное применение методов/способов/средств информационного воздействия на психику людей – на системы индивидуального, группового и общественного сознания – для достижения различных целей субъекта воздействия (главными являются цели политические, дипломатические, экономические, военные).*

В этой войне в жизнь общества насаждается многоуровневый «хаос сознания» на основе лживых фактов, фальсифицированной исторической памяти, задаваемых новых ценностей, кому-то «нужных» иллюзий и искажений социального восприятия, дискредитации социально важного и политически значимого. Оружием в данной войне становится СМИиК, особенно «независимая журналистика». *К информационно-психологическому оружию относят совокупность информационных психотехнологий как открытого, так и замаскированного, скрытого воздействия на психику людей.* Соответственно, необходимо остро ставить вопрос о защите объекта информационно-психологических атак от действий информационного агрессора. В. Ф. Прокофьев, например, рассматривает информационно-психологическую войну как средство обеспечения чьих-то национальных интересов (Прокофьев, 2003)⁴. Подчеркнем в этой связи, что подобные войны против нашей страны вызывают на серьезный разговор о психологических факторах ее национальной безопасности.

Поскольку информационно-психологические войны являются неотъемлемым фактором мировой политики, отметим, что управление современными демократическими государствами во многом базируется на идее Макиавелли: политика – это искусство манипулирования людьми. Будем учитывать и то, что психоманипулятивное воздействие на массовое сознание в бифуркационных социально-политических ситуациях способно привести к огромным социально-политическим последствиям в конкретных странах и на планете в целом (известно, что минимальные воздействия в точках бифуркации системы способны породить последствия колоссальной силы). Это оружие страшной разрушительной силы, способное отключать критическое мышление на уровнях индивидуального и группового сознания, становясь генератором массовых психозов в конкретном обществе, его «шизофренизации» и других проявлений «патологии общественного сознания». В ходе информационно-психологической войны раскрывается взаимодействие социально-психологических, «глубинно-психологических» и духовно-метафизических факторов в их влиянии на человека и сообщества людей. Методы информационно-психологической войны «помогают» человеку – объекту воздействия – даже при субъективной уверенности в сохранении убеждений, мнений, социальных установок и пр. реально изменять оценку социально-политических явлений, не замечая усвоенных им «подсказок» в интерпретации фактов. В частности, найдены способы обхода психологических защит на уровне личности и группы. Но результатом информационно-психологической войны может быть и осознанное изменение мировоззрения. В этой связи отметим, что неслучайно особое внимание психологическая война уделяет атакам на священные для объек-

⁴ Если сражения на полях информационно-психологической войны не столь масштабны, длительны или нет достаточного ответа одной из сторон, эксперты говорят о конкретных психологических операциях. По ходу изложения материала мы будем указывать на таковые.

тов воздействия образы и символы. Об этом мы поговорим в главе 4 в связи с манипуляциями образами исторической памяти.

Известный отечественный специалист в области информационных войн профессор И. Н. Панарин, идеи которого использовались в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» 2000 г., а также в американских и китайских документах, определяет *информационную войну как воздействие на информационное пространство противостоящей стороны в его влиянии на сознание/неосознаваемое людей для достижения неких целей* (Панарин, 2006, 2010, 2012). По его версии, информационная война есть основное средство современной мировой политики и экономики, доминирующий способ достижения политической, финансовой и экономической власти. И. Н. Панарин вводит также понятие *«информационного противоборства»* как взаимного воздействия на информационную среду противостоящих сторон и защиты от негативных информационных воздействий друг друга. Речь идет о формах борьбы сторон с применением специальных методов, способов и средств воздействия (политических, экономических, дипломатических, военных и иных) на информационную сферу противостоящей стороны, а также в целях самозащиты. В качестве субъектов информационно-психологической войны выступают государства, международные и неправительственные организации, незаконные вооруженные формирования и террористические/экстремистские структуры, транснациональные корпорации, включая медиа-корпорации, а также организации и лица, действующие внутри страны (коммерческие компании, национальные некоммерческие организации, СМИиК и т. д.). В качестве основных *объектов* информационно-психологического противоборства выступают: политическая элита и население страны в целом, социальные группы, негосударственные структуры, отдельные лица (глава государства, министры, представители оппозиции и т. п.). В информационном противоборстве задействованы и невоенные государственные структуры (в США это Государственный департамент, ЦРУ и др.). Для обозначения этих форм противоборства используются термины *публичная дипломатия, тайные операции* и т. п.

Информационное противоборство подразделяется на *информационно-психологическое* и *информационно-техническое*. В первом случае объектом воздействия/защиты являются психика личного состава Вооруженных Сил и населения противостоящих сторон, общественное сознание/мнение и системы его формирования, принятия государственных решений. В информационно-психологическом противоборстве, с одной стороны, необходимо защищать принятие собственных политических решений и формировать общественное мнение. Так, например, если в 1998 г. только 10 % американцев поддерживали войну США против Ирака, то в 1999 г., когда Хусейна стали сравнивать с Гитлером, – 88 %. С другой стороны, надо искать способы воздействия на оппонентов, – в частности, заставить лидера и элиту противоположной стороны действовать в соответствии со своими целями. Эффективным приемом является введение ее в стрессовое состояние. Особую роль играет обещание личной неприкосновенности представителям элиты страны при сдаче государственных интересов (С. Милошевич попался на этом).

В информационно-техническом противоборстве главными объектами воздействия и защиты являются информационно-технические системы (системы связи, компьютерные сети и т. д.), а также система передачи данных, перехват и дешифровка информации, система защиты информации, радиоэлектронная борьба.

Информационно-психологические войны проводятся в различных сферах – *политической* (выборы в Украине, Грузии были операциями по приведению к власти прозападных и наднациональных сил), *дипломатической* (например, укажем на действия Виталия Чуркина в ООН в связи с грузинскими событиями в августе 2008 г. и в контексте событий на Украине в 2014 г., деятельность Сергея Лаврова в сирийском конфликте), *финансово-экономической* (отметим борьбу за сохранение доллара в качестве главной мировой валюты, экономические санкции против России), *военной* (в августе 2008 г. телезрителям на Западе показывается раз-

рушенный Цхинвал после грузинской агрессии, но сообщается, что это уничтоженный российскими бомбами г. Гори). Информационной войной является также и «выкачка мозгов» из страны.

И. Н. Панарин подчеркивает важность «информационного щита» в виде Федерального законодательства, доктрины об информационной безопасности, защиты информационного пространства правовыми, организационными и техническими средствами. Но наш щит слабее американского, отмечает он, в частности, по причине либеральной политики массмедиа, оказывающей антигосударственные информационные влияния. Россия, к тому же, в отличие от США не имеет глобального телевидения (типа CNN), дающего возможность информационно-психологического воздействия в любой точке мира. Отечественный телеканал Russia Today хотя и набирает, как уже было отмечено, силу, но пока несопоставим с возможностями стран «коллективного Запада».

Определение информационно-психологической войны близко к термину «пропаганда», имеющему свою специфику. Он был введен Папой Римским в 1622 г., когда в связи с потерями католиков в 30-летней войне была создана Конгрегация пропаганды веры. Первая Мировая война породила специальные подразделения для ведения пропаганды в войсках. Гарольд Лассуэл в своей книге впервые заявил о том, что пропаганда является особым видом оружия (Лассуэл, 1929).

Информационно-психологические войны используют «оружие семантического фактора»: человек любую воспринятую информацию автоматически ассоциирует с элементами своего жизненного опыта (семантическая память), и результат этого когнитивного процесса передается в сознание⁵ (Смирнов, 2003).

Из сказанного ясно, что перед политической и социальной психологией стоят большие и неотложные задачи. Исследователи должны прежде всего видеть, что информационно-психологическое оружие используется против «исторической России», достижений ее народа, суверенитета страны. Это признают сегодня даже отечественные либералы (достаточно познаться с форумами во «всемирной паутине»). Но исследователю психологической войны следует также ясно понимать, что ее ведение подается изощренно, лицемерно и демагогически. Декларируется, что война ведется против политического режима страны ради демократии, свобод и прав человека (ибо граждане Российской Федерации – жертвы несвободы и коррупции). О геополитических целях уничтожения реально суверенной России как независимого субъекта мировой политики, естественно, не сообщается. Необходимо оперировать знаниями о том, что в 1980–1990-е годы в СССР/РФ западные спецслужбы конструировали разжигание ненависти к России и русским в союзных республиках. Сегодня можно говорить об усилении глобальной русофобии средствами информационно-психологических воздействий на население планеты. Истоки русофобии – в подсознательных социальных установках и стереотипах людей. Это очень глубокий слой сфер коллективного неосознаваемого на Западе и у носителей прозападного сознания. Поэтому исследователи должны осознавать, что апелляцией к здравому смыслу и разоблачением аморальности не победить подобных установок. Контрманипулятивные ресурсы противостояния русофобии надо искать в «глубинной социальной психологии».

Заказчиками информационно-психологических операций являются различные национальные и транснациональные субъекты политической, идеологической, экономической и др. активности. СМИиК всегда работают на тех, кто их содержит. Поскольку, например, телеви-

⁵ И. С. Смирнов указывает, что у ребенка семантический фактор может не иметь психосемантических ассоциатов, и воспринятая информация становится психосемантическим ядром для будущих ассоциаций (импринтинг). После импринтинга любая воспринятая информация уже является семантической, поскольку наличествующий опыт приводит к установлению связей между психосемантическим эквивалентом этой информации и какими-либо элементами субъективного опыта (Смирнов, 2003, с. 68). Этот механизм объясняет сугубо отрицательное воздействие манипуляций на детей.

онная информация прямо или косвенно продвигает в сознание людей те или иные идеи, субъекты информационно-психологического воздействия, как правило, выступают заказчиками/спонсорами телепередач (а могут быть и владельцами телевизионных каналов). Заказ исполняется через правительственные и неправительственные организации, например, различные «благотворительные» фонды, имеющие свои каналы в СМИиК.

Об истории вопроса и дефинициях

Применение информационно-психологического оружия имеет долгую историю: слухи, дезинформация, искажение и подмена фактов практиковались всегда. В информационных атаках и по сей день используются, в частности, некоторые положения древних китайских военных трактатов. Например, полководец и философ Сунь Цзы (IV в. до н. э.) советовал разлагать все хорошее в стране противника, вовлекать его элиту в преступные деяния для подрыва ее престижа, разжигать социальные конфликты, быть щедрым на покупку информации и сообщников.

История показывает, что в военное время психологическая война успешно дезориентировала и деморализовывала противника. В мирное же время она используется как для организации властных структур внутри страны, так и для влияния одних государств на другие⁶. И надо учитывать, что временные и пространственные возможности информационных войн изменились в огромной степени – глобальная информационная среда позволяет мгновенно распространять информацию, обеспечивая нужные атаки на противника, желаемые реакции на события и т. п.

Термин «информационная война» ввел главный организатор психологической войны против СССР, уже упомянутый нами Ален Даллас. Под данным термином понимались разведывательные и диверсионные действия по подрыву тыла противника. В указанной работе есть много интересного о тайных переговорах между США/Великобританией и Гиммлером в Швейцарии.

Надо отметить, что Запад был успешен в информационно-психологических войнах. Самыми эффективными операциями во времена «холодной войны» можно назвать Карибский кризис, блеф со «Звездными войнами» (профинансировавшие американские ВПК/армию), обвал мировых цен на нефть.

Понятие «психологическая война» оформилось к концу 1940-х годов в связи с «холодной войной». Психологическая война в 1950-х годах определялась как планомерное ведение пропаганды, главная цель которой заключается в том, чтобы влиять на взгляды, настроения, ориентацию и поведение войск и населения противника, населения нейтральных и союзных стран с целью содействия осуществлению государственных задач. В 1959 г. уже появились структуры управления/командования психологической войной (см. ниже материал А. А. Смирнова). П. Лайнбарджер (Лайнбарджер, 1962), одним из первых использовавший данный термин, рассматривает его содержание *в широком смысле как использование основ психологии в военном деле и в узком – как использование пропаганды в вооруженной борьбе с одновременным ведением боевых действий, которые дополняют пропаганду.*

Одним из авторов термина «холодная война», необходимого для раскрытия всей палитры информационно-психологических войн, был Уолтер Липпманн (его серия статей по данной теме была издана в 1947 г.). «Холодная война» понималась как специфический механизм

⁶ В качестве исторических примеров информационной войны против России укажем на следующие (Беляев, 2015). Известно некое «Завещание Петра Великого», оправдывающее вторжение Наполеона в нашу страну. В этой фальшивке провозглашались «воинственные цели» России по покорению мира. Также и в начале XX в., перед революцией, активно тиражировались сплетни о Распутине, в СМИ создавалась атмосфера ненависти к высшей власти в государстве. Во власти были свои агенты влияния; видные деятели как царского, так и Временного правительства являлись масонами.

управления длительной международной конфликтной ситуацией. «Холодная война» предполагает информационно-психологическое воздействие на страну, в результате которого разрушаются ее историческая память, символы, духовно-мировоззренческие смыслы, и страна, как показал трагический опыт разрушения СССР, «сдается без физического боя». В ходе же «холодной фазы» противостояния предполагается структура международных отношений с обозначением линий, которые нельзя переступать, и существуют средства коммуникации, позволяющие противникам вести переговоры. К теме «холодной войны» мы будем обращаться в других главах монографии.

В отечественной литературе советского периода информационно-психологическая война с 1960-х годов трактовалась как комплексная форма подрывной деятельности империалистического государства, включающая разведывательные, пропагандистские, дипломатические, военные мероприятия, направленные на подрыв политической власти, морально-психологического состояния населения и вооруженных сил их политических противников, изменение их внутренней и внешней политики. Это было частью идеологической борьбы. Д. А. Волкогонов, например, говорит об *идеологических диверсиях*, под которыми он понимал конкретную акцию, направленную против общественного сознания граждан социалистических стран с целью изменения в нем жизненных установок (Волкогонов, 1984). Такие диверсии осуществляются, по его мнению, как в теоретической плоскости (искажение марксизма-ленинизма, фальсификация исторических концепций, извращение принципов права, этики и др.), так и в психологической (муссирование заявлений социальных отщепенцев, фабрикация политических фальшивок, популяризация антисоветских сборищ и т. п.). Иными словами, история изучения информационно-психологической войны проходила в СССР в рамках идеологического противоборства; данный вопрос хорошо представлен, в частности, в книге В. А. Лисичкина и Л. А. Шелепина (Лисичкин, Шелепин, 1999). Отметим также диссертационную работу А. Ф. Бобикова, который одним из первых официально использовал в ней данное понятие (Бобиков, 1966).

В 1995 г. в российских СМИиК и научных кругах начинаются дебаты на тему информационных войн. Это интересный факт, ибо большинство экспертов продолжали пребывать в эйфории от сближения с Западом. И отрадно, что в те годы были люди, которые понимали, что «холодная война» не прекращалась и что на Западе психологическое оружие продолжало оттачиваться. Например, в США в 1998 г. появляется документ, посвященный опыту проведения операции «Буря в пустыне».

Анализ понятийного аппарата информационно-психологической войны дает А. А. Смирнов (Смирнов, 2013). Термин «Information Warfare» можно перевести и как «информационная война», и как «информационное противоборство». В дальнейшем у многих авторов появился термин «информационные операции» – «спланированные операции по передаче определенной информации иностранной аудитории с целью оказания влияния на эмоции, мотивы, целеполагание людей и в конечном итоге на поведение иностранных правительств, организаций, социальных групп. В американской доктрине информационной войны выделяются различные категории информационно-психологических операций. Например, это операции против структур государственного управления и/или военного командования; операции по деморализации личного состава вооруженных сил; организация влияния на культуру страны. В конце 2000-х годов появился термин «операции информационной поддержки военных действий».

Понятие «психологическая операция» в своих работах широко применяет В. А. Соснин (Соснин, 2014). Он подчеркивает спланированное использование СМИиК для воздействия на социальные установки и поведение людей. Речь идет о политических, военных и идеологических действиях (тактического или стратегического плана), направленных на сознание потенциального противника с целью вызвать у него желаемое поведение, эмоции и установки. Подобные психологические операции проводятся во время войны или на потенциальном театре

военных действий. Психологические операции в военное время в основном использовались на тактическом уровне (но как компонент стратегического плана). Они должны были предшествовать формам применения силы, сопровождать их и следовать после них, т. е. быть интегральным компонентом общего стратегического плана.

А. А. Смирнов отмечает, что в США информационная война в официальных документах предстает как противоборство двух или более государств в информационном пространстве с целью нанесения ущерба критически важным информационным системам, процессам, ресурсам, структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны.

Направлениями информационных войн в официальных документах США выступают радиоэлектронная борьба, психологические операции, сетевые операции, оперативная маскировка, обеспечение собственной безопасности.

Основными целями информационно-психологической войны, согласно А. А. Смирнову, выступают: а) обеспечение принятия решений и совершения действий объектами воздействия, отвечающих интересам субъекта ведения информационно-психологической войны; б) подрыв легитимности политической власти, международного авторитета атакуемой страны; в) дестабилизация ситуации в стране, провоцирование политических протестов, социальных конфликтов; г) провоцирование возникновения и развития иных негативных социальных явлений в стране, способствующих снижению ее жизнестойкости; д) подрыв морально-психологического состояния населения страны; е) подрыв обороноспособности государства, включая боеспособность вооруженных сил; ж) содействие самоуничтожению объекта воздействия или причинения им себе вреда; з) изменение социально-культурной идентичности населения страны, национальных ценностей и устоев.

А. А. Смирнов называет также следующие основные сферы ведения информационно-психологической войны:

1. *Психологические операции военного назначения*, воздействующие на политическое и военное руководство страны, личный состав вооруженных сил и гражданское население. Осуществляются в угрожаемый период или во время вооруженного конфликта в целях деморализации противника, принятия ошибочных решений руководством страны и пр. Проводятся спецподразделениями вооруженных сил при поддержке гражданских внешнеполитических ведомств.

2. *Публичная дипломатия* – совокупность методов информационного влияния на общественное мнение зарубежных государств и международного сообщества в целях реализации политических, дипломатических и военных задач. В качестве основных задач выступают: а) улучшение международного имиджа страны; б) влияние на элиту зарубежных стран; в) улучшение экономического и инвестиционного климата для национального (и связанного со своей страной транснационального) бизнеса в зарубежных странах.

3. *Внешилополитическая пропаганда* – распространение идей для формирования у масс определенного мировоззрения, системы социальных представлений. Пропаганда может быть рассмотрена и как форма влияния на зарубежную аудиторию, и как воздействие на собственное население в целях дискредитации иностранного государства⁷.

4. *Тайные психологические операции специального назначения*, проводимые в целях вмешательства во внутренние дела другого государства для дестабилизации обстановки в нем, провокации социальных конфликтов, протестных выступлений, а также для оказания воз-

⁷ Комментируя позиции (2) и (3), укажем, что в этих сферах ведения информационной войны присутствуют положительные моменты. А. А. Смирнов, очевидно, выделяет данные сферы с точки зрения возможностей информационно-психологических влияний. Элементы «войны» лишь включены в более широкий контекст межгосударственного взаимодействия.

действия на культуру и ценностно-нормативную систему общества. Их можно подразделить на тактические подрывные операции (психологические диверсии) и стратегические операции. Основную роль в их проведении играют спецслужбы. В реализацию подобных операций активно вовлечены лица, группы людей, общественные институты, являющиеся гражданами государства, которые были завербованы или участвуют в психологических операциях добровольно (агентура влияния, или «пятая колонна»).

Говоря о современных информационно-психологических войнах, укажем и на введенное С. Е. Кургиняном понятие *организационной войны*, которая понимается как влияние атакующего субъекта на мотивацию организационных решений противника во всех частях его социально-государственной системы (Кургинян, 2007). Иными словами, речь идет о формах организации деструктивных информационно-психологических воздействий на государство-противника.

О некоторых других свойствах информационно-психологического оружия

Информационно-психологическое оружие широко применяется и на уровне крупных корпораций. Например, оно используется для сокрытия целей определенных групп и людей в крупном бизнесе, в финансовой сфере.

Важное положение теории информационно-психологической войны заключается в том, что внешние информационно-психологические воздействия работают через внутреннюю поддержку навязываемых извне идей, программ и т. п. со стороны тех, кого обычно называют «пятой колонной». Мы видели это явление в нашей стране в течение 30 последних лет, когда массмедиа фактически управлялись из-за границы через внутренние каналы влияния. Российские СМИиК долго не могли преодолеть достаточно выраженной тенденции 1990-х годов к созданию пронизанной американскими оценками системы представлений о мире.

Важным элементом теоретической основы информационно-психологической войны является концепция Антонио Грамши (Грамши, 1957). Изменения в обществе вызваны заметным влиянием на системы представлений человека о мире, о добре, разрушением символов, социальных традиций и пр. «Культурное ядро» общества «мягко» разрушается организованными информационными потоками. Любое государство держится на неуловимом консенсусе, неформальном единодушии – «согласии». Иерархия социальных представлений внутри государства описывается термином «гегемония», обозначающим управление, которое не осознается людьми. Наличие гегемонии не декларируется, открыто не провозглашается, не фиксируется в законах. Гегемония как бы подразумевается, но с ней считаются. Согласие общества в этом случае поддерживает превосходство в силе, влиянии какого-либо класса внутри общества. Революция же – это подрыв согласия внутри общества, слом гегемонии правящего класса. Если его гегемония оказалась несломленной, то революция не удалась. В попытке удержать согласие перед революцией правящие классы поднимают уровень насилия в государстве. Но это насилие и разрушает общественное согласие, и государство саморазрушается от сверхнасилия, неподкреплённого достаточным уровнем согласия.

Метод использования информационно-психологического оружия опирается на общие принципы разрушения любых систем. Это атака на целевое ядро, элементы и управляющие связи противника. К принципам информационно-психологической войны относятся: деформация целей и приоритетов в социальной системе (убедить людей в социальной полезности чего-то реально вредного для них – например, в приватизации в 1990-е годы); разрыв/переключение социальных связей; обострение противоречий (например, спонсирование революционной деятельности в России в период Первой мировой войны).

В качестве информационно-психологического оружия используется: а) подбор целей, кажущихся позитивными, но нереализуемых (примером является массовое заражение идеей евроинтеграции Украины) или деструктивных (например, вступление Российской Федерации в ВТО); б) «давление обстоятельствами», вынуждающими принимать неадекватные решения (югославские и ливийские события являются иллюстрациями); в) внедрение представлений, не позволяющих включить мобилизационные механизмы (в 1990-е годы активно насаждалось представление о том, что холодная война закончилась и люди на Западе теперь наши «друзья и партнеры»). Отметим, что эффективность информационно-психологической войны усиливается террористическими угрозами. Срабатывают даже ложные звонки в милицию о «заминированности» какого-либо объекта (усиливают тревогу у спецслужб и простых людей). В качестве информационно-психологического оружия могут быть использованы: влияние ассоциаций, упор на жалость, создание ложной дихотомии, обращение к гордости и тщеславию, нерелевантные доводы и аналогии, опора на авторитеты и др. (Д. Халперн, цит. по: Лебедев, 2014, с. 39).

Роль информационно-психологического оружия видна в августовской войне 2008 г., причем как в версии о том, что Саакашвили поддался на провокацию России, так и в варианте неверной трактовки им «сигналов из Вашингтона». Интересно, что в Грузии присутствовали ведущие мировые массмедиа, которые принято считать не только независимыми, но жестко конкурирующими между собой, но они «не заметили» бомбардировки Цхинвала. При контрнаступлении же российских войск в эфир стали даваться сюжеты о бомбежках мирных грузинских городов и сел, признанные, однако, впоследствии недостоверными. Ясно, что без организации специальной информационной компании (а это под силу лишь США либо транснациональному уровню влияния) подобное невозможно.

Удачным применением информационно-психологического воздействия на население стало употребление киевскими властями понятия «отечественная война». Многие украинцы, в частности, убеждены, что ополченцы Донбасса сражаются вместе с российскими войсками за Януковича.

Для анализа тематики информационно-психологических войн полезна метафора игры людей в виртуализирующемся политическом и социально-экономическом пространстве, правила которых им навязываются. Человек, принимая «правила игры», строит виртуальные миры и постепенно становится профессиональным игроком. Признаком виртуализации сознания является восприятие общественной жизни в виде некоего «спектакля», который люди созерцают на «сцене» городов и стран, не вопрошая о том, кто является его автором. В этом и воплощается психология «человека играющего». Международное право, международные организации, мировая дипломатия и международные форумы в еще большей степени превратились в отрежиссированные театральные постановки. Для многих реальностью становятся задаваемые имаго-символосферой образы, смешанные с проекциями собственных фантазий, социальных иллюзий. «Театр психоманипулятивного абсурда» делает ставку на пассивность, дезинформированность, виртуализированность своей аудитории. Подмены понятий, создание терминов, призванных отражать «новую реальность», помогают политическим играм в мире (Панарин, 2000). В «тотальном мире спектакля-игры» все становится игрой, а сам игрок попадает в игровую зависимость. Современные же информационные технологии удовлетворяют возрастающие игровые потребности людей. Человеку все труднее заметить подмены, поскольку в игре реальное и виртуальное смешаны. Но «мир игры», указывает политолог А. И. Неклесса, при определенных условиях (в том числе и организуемых информационными манипулятивными воздействиями) может выпустить на волю «мир распада» (Глобальное сообщество..., 2000, с. 136).

«Окна Овертона»

Книги американского социолога Джозефа Овертона показывают и раскрывают тонкие психоманипулятивные технологии, – в частности, обозначают техники сознательной манипуляции рамками общественной дискуссии. «Окна Овертона» (Overton window) является концепцией о наличии рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали. В этом смысле можно говорить об «окне дискурса». Согласно модели Овертона, в жизни конкретного общества в каждый момент времени некоторые идеи составляют действующую в общественном сознании норму (точка отсчета). Остальные идеи либо входят в диапазон допустимых, либо нет.

Овертон описал процесс изменения отношения общественного сознания к традиционно неприемлемым для него, отторгаемым идеям и социальным представлениям. Эти идеи под воздействием определенной психотехнологии становятся не только приемлемыми, но в итоге законодательно закрепленными.

Овертон утверждает, что в обществе существует некое «окно возможностей» в признании чего-то: от немыслимого, полностью отвергаемого, совершенно чуждого общественной морали, через статус радикального, далее приемлемого, разумного – до принятого массовым сознанием. Иными словами, некие идеи, представления, проблемы могут обсуждаться, публично поддерживаться, пропагандироваться или нет. Организованные информационно-психологические воздействия вызывают динамику в общественном мнении. И, как результат данной психоманипуляции, в обществе начинает обсуждаться нечто ранее неприемлемое для его членов. Затем люди начинают считать это уместным и в итоге смиряются, перестав видеть проблему.

После смерти Овертона его концепция в основном развивалась в русле воздействий политических событий и медиадискурса. Было показано, что наиболее устойчивые сдвиги политического дискурса являются следствиями глубоких социально-политических изменений в обществе.

Для иллюстрации данной технологии обратимся к совершенно неприемлемой, запретной для обсуждения теме каннибализма. Предполагается следующая последовательность информационно-психологических акций по продвижению данной темы в общественное сознание (Горжалцан, 2014):

1. Перевод темы в область «свободы слова». Можно для начала на научном симпозиуме рассмотреть историю предмета, обсудить «обряды племен Полинезии», ввести в научный оборот авторитетные высказывания о людоедстве. Далее в интернете появляется «Общество каннибалов». Запускается образ «плохих каннибалов», который будет соотнесен с теми, кто «призывает сжигать на кострах не таких, как они». Тема введена в оборот, табу десакрализовано.

2. Перевод темы в область возможного. Цитирование научных авторитетов продолжается. Отказывающиеся обсуждать тему объявляются ханжами. Название темы переформулируется, и каннибализм становится сначала антропофагией, а потом антропофилией. Новые названия уводят суть проблемы от её обозначения, лишают оппонентов опоры на язык. Параллельно создается прецедент (исторический, мифологический, выдуманный), например, легенда о матери, напоившей своей кровью умирающих от жажды детей.

3. В общественном сознании создаётся «поле боя» за проблему. Декларируется, что «желание есть людей генетически заложено в природе человека», «в определенных обстоятельствах съесть человека бывает необходимо», «есть люди, желающие, чтобы их съели», «свободный человек имеет право решать, что ему есть», «пусть каждый решит, кто он – антропофил или антропофоб», и т. п. «Ученые» и журналисты доказывают, что человечество на протяжении всей своей истории время от времени поедало друг друга. Тема забалтывается журналистами,

ведущими телепередач и т. п. От дискуссии отсекаются авторитетные противники происходящего абсурда. Создается положительный образ современного каннибала: «антропофилы придерживаются строгой морали». На крайних флангах размещаются радикальные сторонники и противники людоедства. Из людей, не согласных с де-табуированием людоедства, создают образ агрессивных, «фашиствующих ненавистников», призывающих уничтожать людоедов, коммунистов и негров. Присутствие в СМИиК обеспечивают всем, кроме противников легализации каннибализма. Антропофилы же осуждают «фашистов всех мастей».

4. Перевод темы в категорию популярной. Тема выводится в топовую и начинает самовоспроизводиться в массмедиа, шоу-бизнесе и политике, проникает в телевизионные новости и ток-шоу. Людей едят в кинопрокате, в текстах песен и видеоклипах.

5. При переводе темы в сферу актуальной политики начинается подготовка законодательной базы. Публикуются социологические опросы, «подтверждающие» высокий процент сторонников легализации каннибализма. Политики начинают публично высказываться за законодательное закрепление антропофилии. В общественное сознание на фоне усиления пропаганды толерантности вводится догма – «запрещение поедания людей запрещено». Здоровые силы общества еще как-то сопротивляются, но в целом общество сдалось. Тема неизбежно докатится до школ и детских садов; следующее поколение вырастет с идеей людоедства как нормы.

Думаю, описание данной технологии напомнило читателям громкие и абсурдные кампании последних десятилетий, касающиеся некоторых нравственных аспектов общественной жизни. «Окна Овертона» уже практически сработали на теме разрушения традиционной семьи, половых извращений, толерантности ко многим проявлениям зла. «На подходе» – педофилия, детская проституция. В духовно-нравственной и религиозной сферах в «Окна» пролезет признание статуса и значимости отрицательных метафизических сил в жизни человечества. В плане более нейтральных возможностей обоснования «всего что угодно» интересен фантастический вариант информационно-психологической компании по «присоединению Индии», который дает И. В. Смирнов (см.: Смирнов, 2003, с. 24–29).

1.4. Психические процессы в психоманипуляции

Информационно-психологическое воздействие целостно, однако оно имеет свои закономерности в различных сферах психики в зависимости от условий, задач и особенностей аудитории. Когнитивные, эмоциональные и поведенческие структуры человеческой психики обладают различной степенью «податливости» воздействию СМИиК. Результат такого воздействия определяется и тем, на какую область психики оно преимущественно направлено. Поведение человека, например, изменить труднее, чем его оценки политических событий.

Методы информационно-психологического воздействия способны влиять на социальное *восприятие*, направляя его в определенное русло, на активно участвующее в социальном восприятии *воображение* (во всем богатстве его разновидностей – от активного и конструктивного творческого до пассивных произвольных «грез наяву»). Это и особая подача фактов с употреблением сочетания образов, слов и чисел, воздействие на воображение метафор/аллегорий и др. Роль воображения обнаруживается в попытках человека понять, что происходит с людьми во время социальных кризисов. При изучении воздействия метафор и аллегорий на воображение следует подчеркнуть, что красочный образ-метафора способен подавлять здравый смысл. Особенно сильно воздействие парадоксальных метафор. Использование метафор полимодально. Широко применяются, в частности, метафоры запаха: «запахло жареным», «запах крови» и др. С. Кара-Мурза анализирует целый букет «демократических» психоманипулятивных метафорических образов, ставших основой современных устойчивых высказываний, способствующих катастрофическим явлениям в стране: «наш общий европейский дом», «столбовая дорога цивилизации». Использовались также пословицы, например, «коней на переправе не меняют» и т. д.

Отметим, что даже спонтанные фантазии могут отражать предчувствия социальных изменений. Власть учитывает «народное воображение» потому, что людей поражают не факты сами по себе, а то, как эти факты представляются (Лебон, 2011). Это помогает подавать информацию в нужном для субъекта информационного воздействия ключе.

Большой интерес представляет роль процессов *апперцепции*. Связь воображения с процессами социального *прогнозирования* приводит к преждевременным действиям, социальной истерии («украинские мечты» последних 12 лет о «принадлежности к европейскому пути» тому пример) или разрушению инстинкта самосохранения в обществе, «усыплению бдительности». Вспомним, как в перестроечные годы в нашей стране высмеивались или табуировались страхи конфронтации с Западом и создавалась иллюзия национальной безопасности. Происходящее в мире сегодня показывает, что неадекватный пацифизм является болезнью общественного сознания.

Сильные средства информационного воздействия открываются через опору на взаимосвязи *воображения, эмоциональной сферы и мотивации*. В состояниях фрустрации, например, начинают доминировать грезы, возникает стремление к «бегству от реальности» через алкоголь и наркотики. Через мотивацию и систему потребностей возможно эффективно влиять на ценности. Изменяя же их, можно заставить людей «захотеть чего угодно». Большую роль играет известный феномен «эмоционального заражения», особенно в кризисных ситуациях – техногенных катастрофах, террористических актах, социальных конфликтах и т. п. В повышении эмоциональности, увеличивающей доверие к информации извне, используются чувства того и другого знака.

Сильный синергетический эффект (воображение + эмоции), наблюдаемый, в частности, во время проведения избирательных кампаний, дает совместное употребление образов, слов и чисел (печатные тексты, радио- и телепередачи, кино-, теле-, видео-картинки). Много интересного, как отмечает С. Кара-Мурза, можно найти при изучении идеологической машины

фашистской Германии, превратившей народ в «толпу визионеров в искусственно созданном космосе» (Кара-Мурза, 2000). Примером роли воображения является использование и создание географических карт, актуализирующих социальные предрассудки, выражающих ложные представления о геополитической реальности и помогающих создать нужный образ. Карта «утраченных исконных земель» воздействует на национальные чувства безотказно. Это мы видим на примере реакции Украины на воссоединение Крыма с Россией: эмоции бурлят, хотя исторически и этно-демографически Крым не был украинской территорией до «хрущевского подарка». В последние годы фабрикация географических карт стала эффективным средством разжигания этнических конфликтов.

Иными словами, создание эмоциональных состояний человека с использованием воображения всегда рассматривалось как эффективный прием психологического воздействия. Наиболее известен прием апелляции к страху. Использование воображения эффективно в усилении панических настроений под воздействием слухов, распространяемых через СМИиК. Телевидение особо ответственно за создание и распространение фобий. Показ терактов, катастроф по силе психосоматического травматизма сопоставим с переживаниями очевидцев. Некоторые люди, лишь посмотрев кадры некой трагедии, обращаются к врачам и психологам (стресс от события 11 сентября 2001 г. подтвердил это). На действенность приема апелляции к страху влияет наличие у человека переживания своей уязвимости, подверженности различным угрозам. В романе Дж. Оруэлла «1984»⁸ показано, что большой обман удобно выстраивать на основе страхов перед «коварными врагами». Подчеркнем существование страхов, специфичных для западного, в частности, американского менталитета. Это страхи мистической природы, имеющие истоки в «страшилках» протестантских проповедников в США в прошлые века; это страхи ядерного апокалипсиса в советскую эпоху и возрождающийся на Западе страх новой «русской угрозы». С. Кара-Мурза отмечает, что в России человеку никогда в сознание не вводился «вирус мистического страха»: вплоть до перестройки *экзистенциальный* страх в нашей стране не играл существенной роли. Страхи были вполне реалистичными. Поэтому страх перед ядерным апокалипсисом был иной, нежели на Западе (подробнее см.: Гостев, 2008).

Эмоциональная сфера ответственна за особенности переживания того или иного социально-политического, экономического события, за формирование искусственных потребностей и желаний «хотеть всего». Эмоциональное состояние влияет на эффективность информационно-психологического воздействия. Воздействие на эмоциональную сферу приводит к появлению у людей страха, отчуждения и способно породить «эмоциональный взрыв». Даже когда человек просто не справляется с поглощением новой информации по каналам имago-символосферы, у него создается внутренний дискомфорт по случаю переживания «отставания» от жизни. Но может быть и другой вариант эмоциональной реакции. В огромном потоке взаимоисключающей дезинформации человек начинает холодно и даже цинично реагировать на трагические события, на тысячи убитых в различных странах, на уничтожение народов и государств (как на некие виртуальные потери). Эмоции людей, в зависимости от своего знака и особенностей ситуации воздействия, меняют мышление и реакцию на сообщения, влияют на уверенность в собственных суждениях и пр.

Роль эмоциональной и мотивационной сферы хорошо раскрывается в исследованиях В. В. Латынова (Латынов, 2012а, б, 2013, 2014в). Отмечается значимость изучения *полимотивированности* объекта воздействия. Она предполагает наличие у человека: а) мотива (не всегда осознанного) иметь ясное и адекватное представление о действительности; б) склонности поддерживать непротиворечивую систему установок и социальных представлений, соответству-

⁸ Джордж Оруэлл (псевдоним) во время Второй мировой войны работал журналистом на BBC. Британские спецслужбы имеют к этой радиостанции непосредственное отношение.

ющую личным ценностям и потребностям; в) желания иметь позитивную групповую идентичность, придерживаться принятых в референтной группе норм и правил. В итоге человек получает некие «линзы», сквозь которые он оценивает поступающую информацию. Ориентация на группу приводит к отторжению источников внегрупповой информации. В ходе социальных кризисов, однако, формируются новые групповые идентичности. «Перестроечно-реформаторские» десятилетия в нашей стране продемонстрировали, как групповая идентичность людей может меняться резко и неоднократно. Иными словами, полимотивированность предполагает определение того, что движет человеком в социальном познании, особенно если психологическое воздействие – лишь элемент более общей системы воздействий, масштабы которой человек не осознает. Это положение важно для анализа глобальной манипуляции относительно формирования NWO, содержание которого многие не видят.

В. В. Латынов указывает на недостаточное внимание к эмоциональной компоненте в психологии воздействия (и на перекося в сторону когнитивно-поведенческих аспектов), на противоречивость результатов ее исследования. В то же время получены важные данные. Отмечается, например, что характер эмоций влияет на восприятие ситуации воздействия, во многом определяет выбор средств воздействия и их практическое использование. Значимой является степень выраженности переживаемой эмоции. Переживание негативных эмоций стимулирует усиление анализа воспринимаемой информации. И это делает человека более подверженным воздействию в тех случаях, когда ему предъявляются веские аргументы, и более устойчивым к воздействию, если аргументация слаба. Эффективность психологического воздействия зависит от того, насколько поступающие эмоционально насыщенные сообщения соответствуют соотношению когнитивной и эмоциональной компонент того аттитюда, который стремятся изменить. Человек также в большей мере уязвим сообщениями, эмоциональный тон которых оказывается созвучным его эмоциональному состоянию. Следует учитывать, что эмоции влияют на эффективность воздействия разными способами. В зависимости от своего настроения человек по-разному оценивает вероятность позитивных или негативных вариантов развития событий. Люди, переживающие негативные эмоции, будут избегать анализа болезненной для них информации. Если эмоциональное состояние человека позитивно, то окружающий мир кажется ему безопасным и значительных размышлений по поводу поступающей информации не требуется. В хорошем настроении люди склонны проявлять больший оптимизм. Они более восприимчивы к аргументам, сформулированным позитивно. В плохом настроении человек переоценивает вероятность негативных событий и восприимчив к негативной аргументации.

Влияние эмоционального состояния на эффективность психологического воздействия не носит прямой характер и опосредовано особенностями когнитивной обработки поступающей информации. Пониманию роли эмоций в информационном воздействии помогает выделение следующих типов ситуаций:

- человек слабо заинтересован в теме и полагается на простейшие эвристики;
- человек не мотивирован ни к анализу сообщений, ни к использованию простейших эвристик; позитивное эмоциональное состояние сокращает время размышления об аргументах; влияние аргументов менее выраженное;
- человек высоко мотивирован и имеет возможность глубокого анализа информации; эмоциональное состояние определяет общую направленность размышлений об аргументах.

В. В. Латынов рассматривает также воздействие на человека художественных произведений (в печатной и аудио-визуальной форме), приводящих к трансформациям социальных представлений. Уход в виртуальный мир нарратива характеризуется сдвигом внимания от реального мира на переживания образов воссоздающего воображения. Показано, что люди с высокой потребностью в познании легче погружались в мир художественного произведения

при чтении, а люди с низкой потребностью в познании – при просмотре экранизации этого произведения.

В раскрытии роли процессов *внимания* в информационно-психологических воздействиях главным выступает изучение возможностей его переключения, например, привлечения внимания к некоторым событиям, фактам или отвлечения от них. Существуют определенные приемы для того, чтобы некая информация «врезалась в память», ушла в сферы неосознаваемого, а затем в определенный момент вернулась в сознание, породив нужные манипулятору ассоциации. Главная роль принадлежит произвольному запоминанию. Частое повторение в СМИ некоего утверждения, идеи, образа действует на людей независимо от их оценки данной информации. Даже отвергнутая точка зрения может превратиться в смутное представление или быть в конце концов принята. Особыми возможностями манипулировать всеми видами внимания обладает телевидение, которое сосредотачивает внимание человека на показе событий с комментариями, и на этом фоне возникает возможность внедрения в систему сознания человека-зрителя любой информации. На него могут быть направлены профессиональные способности всех категорий работников телевидения, особенно тележурналистики, телережиссуры, операторского искусства. Исключительно сильно сосредотачивает внимание на определенных темах освещение неких «невероятных событий», на фоне которых и можно давать любую информацию.

Роль *памяти* в информационно-психологическом воздействии – обеспечить запоминание информации или ее уход в подсознание, чтобы потом актуализироваться, например, в образном опыте и его ассоциациях.

Велика значимость ассоциаций эмоциональных образов памяти и воображения. Отметим важные теоретические постулаты, помогающие это понять (Смирнов, 2003, с. 57–64). Память многомерна, один и тот же ее элемент может одновременно существовать в различных семантических сетях и в зависимости от этого иметь разное значение. Все категории психического являются дериватами многомерных связей памяти, являющей из себя постоянно самоорганизующуюся семантическую систему. Семантическая память в активной форме представляет собой непрерывно флюктуирующий нелинейный и нестационарный процесс взаимодействия семантических элементов. Психосемантические элементы в активной памяти существуют в связи с другими элементами. Количественная представленность психосемантического элемента в различных измерениях семантической памяти может быть определена и соответствует понятию «значимости сигнала». Дискретом изменчивости соотношений семантических элементов является категория состояния (например, «эмоциональное состояние», «диссоциированное состояние» и т. п.). Воспринятая информация приобретает психосемантический эквивалент, совокупность которых составляет внутреннюю картину мира. Процесс памяти непрерывен: нельзя разорвать его без разрушения материального субстрата памяти. Каждое измерение памяти – это «программное обеспечение» поведения. Совокупность таких матриц в семантическом пространстве может быть описана в терминах: «личность», «сознание», «мотив» и т. д.

Данные теоретические и эмпирические положения касаются механизмов участия памяти в информационно-психологических воздействиях. Но для нас важно также рассмотрение феноменологии и закономерностей психоманипуляции на уровне исторической памяти. Этот вопрос мы обсудим в главе 4.

Роль *мышления* в информационно-психологических воздействиях заключается прежде всего в сохранении способности к рациональному анализу-синтезу поступающей информации, к выявлению логических противоречий, нестыковок версий и т. п. В следующем разделе мы поговорим о роли *подмен понятий* в психоманипуляции. Но один аспект в искажении мышления при психоманипуляциях отметим сейчас. Так, интересны искажения психического отражения, возникающие из столкновения понятийно-логических и экраннообразных стиму-

лов (Гостев, 2007). Современные школьники, например, подвержены «клиповому сознанию», склонному, как известно, к субъективному «монтажу» информационных выжимок. Понятна высокая психоманипулятивность такого «монтажа» за счет клиповой оторванности от информационного контекста. Мысль чуждается абстрактного мышления, хочет видеть мир симулянтно, а потому должна быть упакована в образ. Сознание же стремится к целостности отражения мира, и оно потенциально способно к этому, будучи многомерным по природе. Сознание способно «режиссировать мышление». Но как реализоваться данной способности сознания на фоне отрицательных аспектов «клипового сознания»? (подробнее о клиповом сознании см.: Гиренок, 2012, 2016).

Духовно-нравственный аспект вопроса

Осмысление роли психических процессов в информационно-психологических воздействиях углубляется рассмотрением духовно-нравственного аспекта их искажений (Гостев, Елисеев, Фомин, 2006). Православная святоотеческая традиция говорит о *формах искажения основных «сил души»*, что может быть сопоставлено с психологическим знанием о психических процессах. В результате первородного греха в человеке повреждены и разобщены все силы души. Поскольку для современной психологии более привычно иметь дело с психическими процессами и функциями, то допустимо рассматривать духовные нарушения в соответствии с принятой в психологической науке классификацией.

1. *Восприятие*. В результате грехопадения мир воспринимается людьми через призму социально-биологических потребностей. В человеке доминирует низшее начало. В восприятии смешиваются реальные и иллюзорные компоненты. Человек воспринимает окружающее с индивидуальной позиции, искаженной негативным личным опытом. Наиболее тяжелым расстройством восприятия являются галлюцинации, которые имеют в большинстве случаев ярко выраженную духовную природу. Главным же изменением в сфере восприятия, согласно святоотеческой психологии, является атрофия духовного зрения – за внешними образами человек перестал видеть духовные прообразы и Первообраз. На уровне *представлений* наиболее значимым вкладом святоотеческой традиции является введение категории духовно-нравственного «прельщения», раскрывающей когнитивные, эмоциональные и поведенческие искажения в познании высших духовных смыслов (феномен подробно описан с психологических позиций: см. Гостев, 2008).

2. *Мышление*. Искорванный ум человека утрачивает единство процессов мышления, которое становится внутренне противоречивым, разорванным. Отдельные помыслы начинают управлять когнитивной сферой в целом. Система знаний приобретает фрагментарный характер. Множественность источников знания, не имеющих единого основания, ставит человека перед постоянной проблемой личностного выбора. При этом любой выбор, который осуществляет человек, живущий вне Божьего Откровения, есть выбор между большей или меньшей неадекватностью.

3. *Внимание*. Человеку трудно концентрироваться на духовных процессах – молитве, чтении духовной литературы и т. п. Внимание направлено к земным предметам повседневной жизни, управляется социальными и биологическими («плотскими») факторами.

4. *Память*. Верующий человек старается постоянно помнить о Боге. Соответственно, противоположным выступает забвение Бога и Его заповедей. Фиксированность человека на негативных воспоминаниях и неспособность возвращаться к позитивным моментам своей жизни также является проявлением нарушения памяти. Память становится избирательной. То, что не соответствует иллюзиям восприятия и искаженным представлениям о мире и о самом

себе, забывается. Если для православного христианина важно размышление о собственных грехах, то человек, живущий вне Бога, об этом не помнит.

5. *Эмоционально-волевая и мотивационно-потребностная сферы*. Для верующего человека характерно переживание любви к Богу и окружающим людям (хотя он может испытывать тревогу, сомнения, страхи, гнев, отчаяние и пр.). Основной его целью является соединение с Богом, поэтому человек стремится исполнять волю Божию, совершать богоугодные дела и удерживать себя от злых дел и помыслов. Людей неверующих негативные эмоции захлестывают, подчиняя ум и волю. Человек, в душе/личности которого духовные чувства и смыслы не занимают главного положения, свою волю направляет на реализацию самости. Целью жизни становится занять высокое положение в обществе, что позволит ему реализовать весь спектр страстей. Извращается вся мотивационная сфера: в качестве главных выделяются низшие потребности.

6. *Сознание*. Святые отцы подчеркивали важность в духовной жизни процесса «трезвения» как прояснения сознания. Сознание в человеке есть внутренний свет, о котором Господь сказал: «Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6: 23). Эти слова характеризуют состояние искаженного ума «падшего человека». О просветлении как об изменении такого состояния говорится во многих религиях, но если этот свет исходит не от Бога, то человек, увлеченный им, может попасть в обольщение оккультизмом и сатанизмом. Измененные состояния сознания, которые сегодня так активно пропагандируются, не есть «просветление ума», а есть его помрачение. Нужно говорить не об «интеграции сознания», а о внутреннем единстве нового преображенного человека во всех его проявлениях и устремлениях к Богу.

Для раскрытия темы психоманипуляции полезно рассмотреть святоотеческую позицию относительно приспособления человека к «жизни во грехе» с точки зрения *психологических защит*. Отпав от Бога в результате первородного греха, человек лишился «боготканых одежд», которые обеспечивали ему благодатную жизнь в раю. В Библии говорится и о «кожаных ризах», которыми Бог отделил человека от отрицательных метафизических воздействий. Вероятно, на психологическом языке они могут быть описаны как психологические защиты, которые исполняют двоякую функцию: с одной стороны, защищают душу и «образ Божий» (сохраняющийся в человеке при любых условиях) от влияния отрицательных социальных и метафизических факторов, с другой – скрывая от человека «недолжное в нем», придают страстям социально приемлемое оформление и позволяют людям контролировать свое внутреннее состояние. Психологические защиты, следовательно, играют как положительную, так и отрицательную роль. Необходимо указать, что, вступая в контакт с отрицательным метафизическим фактором, психологические защиты могут приобретать черты и свойства, характерные для отрицательных духовных сил. Психологические защиты создают компромисс между жизненно важными условиями существования человека и негативными свойствами как внешней, так и внутренней среды. Будучи изначально полезными, психологические защиты со временем приобретают форму стойких стереотипов поведения и восприятия. Человек оказывается зависим от психологических защит, которые он сформировал и которые при определенных обстоятельствах превращаются в главенствующий фактор его внутренней жизни. Вследствие своей связи с духовной природой человека они могут стать проводником чуждой «демонической воли». Такого рода психологические защиты принято называть патологическими. Если благодатная защита освобождает человека и позволяет ему реализовать свое подлинное предназначение, то патологические защиты, напротив, порабащают личность, делая ее исполнителем деструктивных программ. Тема психологических защит с учетом святоотеческих идей детально раскрыта А. В. Котеневой (Котенева, 2010, 2013).

Вернемся, однако, к обозначенному вопросу о подмене понятий как чрезвычайно значимому для рассмотрения роли мышления в реагировании человека на манипулятивные информационно-психологические воздействия.

1.5. Подмена понятий: «психоманипулятивная герменевтика»

Речь идет об изменении (подмене) смысла слов, понятий, о тонком навязывании их толкования в нужном направлении⁹. История России в постсоветский период дает много тому примеров. С изменением экономического устройства сферы социальных отношений возникла необходимость оправдать в сознании людей то, что раньше было для них неприемлемым (вспомним об «окнах Овертона»). Лингвистическое манипулирование прекрасно справляется с поставленной задачей. Так возникает тема «психоманипулятивной герменевтики». Почувствуйте разницу между словами «биржевой спекулянт», «наемный убийца», «проститутка», «убийство ребенка во чреве», «самоубийство», «сырьевой придаток Запада», «поиск нового собственника» и соответствующими им словами – «брокер», «киллер», «жрица любви», «прерывание беременности», «суицид», «энергетическая сверхдержава», «разграбление страны». Лингвистические перекодировки размывают смысл понятий и затушевывают нравственную окраску их содержания. Примитивизация речи, «словесный мусор», нецензурная брань, иноязычные и непривычные для нашего слуха слова («консалтинг», «кастинг» и т. п.), изъятие из употребления русских слов мешают освоению духовно-нравственного и религиозного наследия отечественной культуры. Манипулирование подменами понятий предполагает исключение из информационных сообщений слов, вызывающих отрицательные ассоциации. Слово «война», например, заменяется «миротворческой операцией», и, согласитесь, меняется наше отношение к этому событию: нельзя ведь плохо относиться к тому/тем, что/кто творит мир. В сегодняшней японской истории нет слова «агрессия». В войне в Юго-Восточной Азии Япония освобождала поработанные восточные народы от колониализма Запада. О жестоком японском колониализме и о том, против кого воевала Япония, умалчивается. То, что атомная бомба была сброшена Соединенными Штатами, не озвучивается, а в школьных учебниках говорится, что 9 августа 1945 г. СССР вероломно напал на Японию.

Подмены понятий проявляются и в том, что ищутся лозунги, направляющие восприятие человека, создаются так называемые «новоязы». Для убеждения или разубеждения используются телепередачи с участием «подсадных уток», некомпетентно отстаивающих некие идеи в полемике (эти идеи, соответственно, публично дискредитируются). Подменяется и сам предмет спора переводом с важного вопроса на нечто другое. Используются особые приемы подачи информации в нужном ключе (например, тембр, паузы и пр. в произношении текста). Большую роль сыграло постмодернистское мировоззрение: «равноценность всего» максимально облегчает подмены. Уравнивание абсурда и логики, например, позволяет не видеть нестыковки в навязываемой системе взглядов, не вызывает отторжения.

Полезное для понимания роли лингвистических подмен в психоманипуляциях мы находим в работах Н. Д. Павловой и ее коллег (Павлова, 2012; Григорьева, Павлова, 2012, 2014). Сразу отметим их мысль о том, что использование лингвистических подмен могут быть как проявлением манипулятивного воздействия в рамках политического заказа (например, в наклеивании нужных ярлыков типа «мятежники», «террористы», «сепаратисты», в противовес «повстанцам», «революционерам»), так и непреднамеренным использованием неких слов (Павлова 2012, с. 57). Укажем и на то, что широко распространенные в последние десятилетия иностранные лингвистические заимствования, имеющие психоманипулятивное влияние

⁹ О возможностях различного толкования одной и той же информации хорошо говорит известная притча. Один правитель увидел во сне, что у него выпали все зубы. Толкователь снов сказал, что это предупреждение о смерти родственников правителя, за что был посажен в тюрьму. Другой же толкователь сказал, что правитель переживет всех родственников, и был вознагражден.

на сознание, могут быть и непроизвольным результатом уважения к английскому языку, ставшему глобальным средством общения.

Основу приемов манипулятивного воздействия составляет сочетание образа объекта и его вербального описания, употребление эмоционально окрашенных слов («успех», «предательство»), использование эвфемизмов («военная помощь», «зачистка»), замена активных конструкций пассивными, позволяющая снять вопрос об ответственности («заложники захвачены»). В исследованиях политического, рекламного, повседневного дискурса мы находим прием помещения нужного смысла в подтекст высказывания, в оценочный контекст, в ассоциативный ряд, а также использование намека, «стертых метафор». Последние побуждают видеть мир то «сквозь прорезь прицела» («война с бедностью»), то как стройку («выстраивание вертикали власти») и т. п. Н. Д. Павлова выделяет речевое оформление известной оппозиции «свой – чужой». Подчеркивается гиперболизация «своего» положительного при затушевывании негативного и одновременно гиперболизация отрицательного с замалчиванием положительных черт у «чужих». Помимо оценочной лексики (в том числе бранной), используется табуирование определенных тем, «наклеивание ярлыков» («фашист», «предатель»). Выявляются приемы создания «своего круга», «широкого социума», от имени которого выражается идея. Употребляются местоимения («мы», «наш»), лексика со значением совместности («каждый», «россияне»), указание на многочисленность своих адресатов («ко всем патриотам»).

К оппозиции «свой – чужие» в политическом дискурсе тяготеют такие известные манипулятивные стратегии, как дискредитация противника с оскорблениями, обвинениями, описанием его действий как неприемлемых. В парламентских дебатах, предвыборных кампаниях используются ирония, аллюзии, метафоры, вызывающие отрицательное отношение. Оперирование отрицательно-оценочными номинациями подает аудитории те или иные факты как требующие неотложного вмешательства («народное бедствие» и т. п.). Это позволяет искать виновных. Субъект воздействия получает возможность, принизив «других», осуществить выигрышную самопрезентацию. Стратегия нейтрализации проявляется, в частности, в формулировании высказываний, которые представляют все связанное с оппонентом как незначительное. Изменение оценок реализуется с помощью выбора номинаций по принципу подмены слов, позволяющих замаскировать содержание оценок («бережливый – скупой», «застой – нулевой рост» и т. п.), а также посредством употребления семантики обобщения («каждый ищет свою выгоду»).

Большие психоманипулятивные возможности имеет использование устойчивых словосочетаний типа «национальные интересы», которые апеллируют к базовым ценностям и имеют выраженную аффективную составляющую. Показательны слова, отсылающие к определенной системе взглядов и одновременно навязывающие их высокий статус. Постоянное употребление подобных слов выхолащивает их смысл («эксклюзивная баранина»).

Особую роль в информационно-психологических войнах за мировоззрение людей имеют искажения в содержании главных понятий западной цивилизации: «демократия», «права человека», «гуманизм», «свобода», «либерализм» и т. п. В информационных воздействиях на другие «цивилизационные пространства» данные понятия применяются без учета подмен их содержания. В 1990-е годы в России они активно перетолковывались. Так, слово «гуманизм», например, усиленно ассоциировалось с чем-то «безусловно и абсолютно добрым», хотя исторически о термине следует говорить скорее обратное. Отмечается, например, что обоснование колониального ограбления и уничтожение народов было связано именно с понятием «гуманизма». Действительно, политика колонизации мира в прошлых веках основывалась на идее о том, что «более цивилизованная» страна имеет право на порабощение народов. Известно, что среди американцев в середине XIX в. популярна была доктрина, утверждавшая, что завоевание Северной Америки было предопределено свыше, что уничтожение индейцев, лесов, бизонов,

осушение болот и повороты рек, развитие экономики, основанной на эксплуатации людей и природных богатств, является проявлением Божьей воли.

Сегодня «борьба за демократию, права человека, общечеловеческие ценности» становится главной точкой приложения информационного оружия. Это оружие, изменяя человеческое сознание, традиционные моральные устои, воюет с неудобными (с позиции однополярного мира во главе с США) правительствами, странами. Лидеров стран, которые нарушают «права человека», информационное оружие превращает в «очень плохих парней». И мы видим, что информационное оружие может быть заменено крылатыми ракетами. Становится возможным убивать, калечить, ввергать в социальный хаос человека во имя его абстрактных прав. Данный абсурд уже реализовался в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, Украине и других странах. Признание человеком правомерности такого положения дел означает успех глобальной психоманипуляции.

Выделим и углубим характеристики понятий «демократия», «гуманизм», «свобода», «либерализм», значимые для использования в психоманипулятивных информационно-психологических воздействиях. Перетолковывание этих понятий – главная цель глобальной манипуляции системой сознания людей. Характеристики данных понятий выступают элементами их содержания, компонентами образов, возникающих у человека в связи с ними. Подчеркну, что эти характеристики призваны дать более реалистичные образы – за счет определенной контрманипулятивной дискредитации «парадной картины» псевдолиберальных ценностей. При этом подчеркну, что все выделяемые положительные стороны понятий сохраняются. Иными словами, не отрицая заложенного в данных понятиях некоего «идеального содержания», следует изучать психологические эффекты деструктивных психоманипулятивных подмен в современном использовании данных терминов, а также их нравственный статус с точки зрения высших духовных и метафизических смыслов. Читателю предлагается самостоятельно скорректировать имеющиеся у него представления при возникновении такого желания.

Демократия и «демократия»

Для противодействия «психоманипулятивной герменевтике» вокруг понятия «демократия» нужно знать об истории ее возникновения, идеологической сути демократических институтов в обществе, их роли в истории человечества, – в частности, в российской истории. Исторически «западная демократия» служила иллюзиям свободы, обслуживая рабство, феодализм, эксплуатацию человека человеком при капитализме, о чем говорила социальная философия XX в. Напомним, что еще в прошлом веке геноцид индейцев и рабство у многих американцев не вызывали чувство покаяния, а для некоторых были и символом национальной гордости. Показательный штрих к портрету «демократии» дает, например, Николай Данилевский, который писал о парламенте как об учреждении, имеющем «серьезную наружность при полнейшей внутренней пустоте и бессодержательности». Сегодня демократия все больше превращается в некое «политическое заклинание», используемое для прикрытия строительства тоталитарного по своей сути америкоцентристского мироустройства, а «демократичность» – это, соответственно, показатель принадлежности к «клубу его строителей», признак «прозападности» системы сознания.

М. Г. Делягин указывает, что современные взаимоотношения элиты и общества уничтожают демократию, так как представления, мнения, интересы, рождаемые обществом, не воспринимаются элитой (Делягин, 2016). Элитарное и массовое сознание вкладывают разный смысл в одни и те же слова и делают разные выводы из одних и тех же фактов, обладают разными системами ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Демократия подменяется информационной войной политико-экономических групп, что повышает угрозу дестабилизации российского общества.

При «демократии» власть реально не принадлежит народу; правят его «представители» – политическая аристократия. Монархическое сознание, основанное на православном христианстве, не считает «народоправство» богоустановленной властью (Серафим Соболев, архиепископ, 2002, 2009). Показательно, что в политической элите Запада много представителей родовой аристократии (т. е. не любой может стать президентом, как это утверждает «миф демократии»¹⁰). На заре «демократии» большинство людей вообще было лишено избирательных прав. Потом господство элиты было замаскировано «играми в демократию». Милтон Фридман писал, что любое ограничивающее рынок правительство является антидемократическим. «Пусть хоть 100 % голосует против рынка – это не демократия», – говорят его последователи. Сегодня главы государств/правительств, находясь под сильным влиянием транснационального уровня власти, должны учитывать общественное мнение. Это и обеспечивает сохранение положительного образа «демократии», позволяет затушевывать то, что она является ширмой для многих тревожных процессов на планете в идеологической, социально-политической, экономической сферах, как, например, для продвижения глобального тоталитаризма, власти «финансово-экономического интернационала». «Демократия» прикрывает перераспределение богатств планеты в интересах мировой элиты. Современные формы «демократии» в мире – это свобода от ответственности властей перед обществом, средство прикрытия интересов «власть имущих» и формирующегося «демократического тоталитаризма» новых форм мироустройства, способ для властных и финансовых структур «легитимно» осуществлять свою непубличную деятельность.

В мировой политике «более демократичная» страна всегда права в войне с «менее демократичной». Поскольку «демократичность» объявлялась выше национальных интересов, Запад всегда оправдывал военную агрессию по отношению к другим странам «несением демократии». Недемократическим и недостаточно демократическим странам, по сути, не разрешено защищать свои интересы. Россия будет признана демократической страной, если отдаст контроль за национальным достоянием транснациональным корпорациям (см.: Рогожников, 2014).

Для формирования человеком адекватного образа демократии (назовем это «расколдовыванием от прельщения демократией») приведем следующие ее оценки. Так, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) в своих выступлениях и публикациях подчеркивал, что идеи демократии замешаны на лжи, что в постсоветской России государственный распад – следствие применения принципов демократии в государственном строительстве, что на Западе демократическая государственность служит декоративным прикрытием реальной власти (международного капитала, транснациональных корпораций, мировой элиты). И не случайно то, что выдается за «демократию» в России с 1990-х годов, национально-патриотическим сознанием воспринимается как форма наднациональной диктатуры (Шалыганов, 2012).

Даже от западных политиков все чаще можно услышать высказывания об отсутствии реальной демократии на Западе. Бывший премьер и президент Чехии, а ныне евроскептик Вацлав Клаус прямо пишет, что демократии и свободы в Европе и в мире нет (Клаус, 2014). Действительно, как указывает А. И. Неклесса, все большее распространение получает симбиоз декораций демократии и реальной власти олигархии. Видна парадигма «неодемократии» – достаточно гибкой структуры, имеющей аналоги с мафиозными механизмами социального управления. Вспомним, что Б. Березовский цинично определил суть демократии как «власть денег», а неолиберализм рассматривает ее с точки зрения обслуживания корпоративных интересов. Сегодня традиционная демократия критикуется как не соответствующая новым принципам глобального управления. Но кризис декларируемой «демократии» осознается на Западе

¹⁰ Клан Бушей связан с британской аристократией, а Б. Клинтон генетически родственен дому Виндзоров и семье Рокфеллеров.

уже с середины 1970-х годов. Угрозы борьбы людей за свои права привели к использованию психоманипуляции для отвлечения масс от политики. «Холодная война» и соревнование двух социальных систем вынуждала к этому, причем наряду с необходимостью поднять жизненные стандарты. Коррозию западной «демократии» мы видим в разрушении представления о правах человека под страхом терроризма. Ирак в течение нескольких последних лет цинично предлагался в качестве примера демократического развития. Прибалтийские страны с их параапартеидными элементами и двойными стандартами во внутренней политике уже много лет провозглашаются «образцами демократии».

Прогнозы судеб западной демократии неутешительны. Примечательно: кто-то из экспертов обратил внимание на то, что XX в. начинался книгой Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», а закончился книгой К. Лэша «Восстание элит». Многие эксперты (выделим, например, значимые для исторической и политической психологии работы историка и политолога Андрея Фурсова) считают, что неodemократия Запада будет характеризоваться: а) кастовой иерархичностью с ограничениями доступа к образованию и науке; б) сниженным интеллектуальным уровнем людей, их ориентацией на массовую культуру и развлечения; в) превращением политики в шоу-бизнес; г) мутацией правящего слоя в невидимок, живущих в изолированном пространстве и даже физически отличающихся от «неэлиты» (за счет применения биотехнологий) более, чем это было всегда.

М. Г. Делягин в своих выступлениях и публикациях (Делягин, 2016) проводит мысль о том, что в развитых странах демократические инструменты способствуют достижению личного комфорта граждан. Но этому начинают мешать усилия по поддержанию научно-технического прогресса. Западная демократия нежизнеспособна без внешней мотивации для общества, вроде угрозы от СССР, и потому, «оставленная в покое», имея приоритет индивидуальных интересов над коллективными, погружается в потребительство, в «постдемократию» (как сейчас происходит в американском обществе).

В то же время, как отмечалось, демократические институты дают возможность влияния на институты власти, определенного контроля за ней и пр. В большей мере это касается низовых уровней властной вертикали. Но и на ее высоких уровнях демократия сдерживает тоталитарные тенденции в обществе. Транснациональный уровень власти вынужден мимикрировать, скрывать, маскировать свои хищнические планы, проекты в формировании NWO. Иными словами, демократия, даже далекая от своего идеала, как-то работает в положительном ключе. Нужно также отдавать себе отчет в том, что демократический процесс – это очень сложный процесс. Государственная машина работает по своим правилам. Люди в парламентах и правительствах могут просто не знать многого о функционировании государственной системы. Сложности усиливаются соотношением публичной и непубличной политики, тайнами взаимодействия государственного и наднационального уровней.

Отдельная тема – роль политических лидеров, особенно глав государств. Это важнейший аспект роли личности в истории, который следует осмысливать с психологических позиций. Надо изучать, в частности, не только каналы влияния глав государств на внутреннюю и мировую политику/экономику, но и определенную зависимость главы государства от транснационального уровня власти. При этом предметом изучения является психологический и духовно-нравственный выбор самого лидера, степень и содержание его ориентации на национальные интересы или на их предательство через сдачу целям и проектам глобальной корпорократии.

Транснациональные силы, как показывает история, способны взаимодействовать с любым государственным лидером, проталкивая при этом свои интересы. Особенно это явно в странах с развитыми демократическими институтами.

Но подобное взаимодействие имеет свою специфику и зависит от индивидуальных особенностей, личностных качеств лидера страны, значимых политических деятелей в его окружении (и в оппозиции) на уровне официальной и непубличной политики. Иными словами, есть

основания считать, что глобальное и внутринациональное влияние на политику глав государства не сильно изменяется при их смене в ходе демократических выборов. Инерция политических установок в обществе, общий настрой национальной элиты и ее элементов является стабильным мощным фактором влияния на избранного национального лидера. Однако любой глава государства непременно вносит свои нюансы во внутреннюю и внешнюю политику, и это является актуальной темой для политической психологии в ее междисциплинарных связях.

Также важно учитывать, что транснациональный уровень власти, политическая элита в конкретной стране влияют на демократические выборы. Это подбор и подготовка возможных кандидатов, спонсирование их программ, лоббирование своих интересов в парламентских играх и т. п. Поэтому выбор народом своего лидера выступает противодействием глобальной психоманипуляции в сфере демократических институтов и соответственно, мощным геополитическим фактором. Глава государства является своеобразной социально- и политико-психологической «призмой», фильтрующей и демпфирующей влияния на властные структуры как народа, так и мировой элиты. От личности главы государства и его окружения в современном мире многое зависит, особенно в плане образа геополитической и цивилизационной полярности.

В России необходимо наполнять понятие народовластия опытом собственной истории. Это поможет понять, что призывы западной пропаганды бежать от «неправильной российской истории», от наследия царского и советского тоталитаризма в западную агонизирующую демократию – явная политическая психоманипуляция. Здесь уместно отметить, что с духовно-нравственной точки зрения, в частности, в святоотеческой традиции «открытое общество западной демократии» – это общество, открытое для свободы греха. И это подводит нас к следующему понятию «психоманипулятивной герменевтики».

«Либерализм» и борьба за истинную духовную свободу

Либералы в истории России были в основном «западниками» и говорили об индивидуальной свободе личности, о социально-экономическом прогрессе, были ориентированы на сильную внутреннюю и внешнюю политику страны. И российская литература во многом опиралась на либеральные идеи. В то же время М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что нет зверя более лютого, чем либерал¹¹. Взгляды Ф. М. Достоевского на российский либерализм также известны. Рассматривая некоторые «плоды» либерализма в данном разделе, мы будем говорить о псевдолиберализме, не касаясь и не отрицая существования идеала – некоего «хорошего либерализма» и носителей соответствующей ментальности (Юревич, 2014).

Выстраивая образ псевдолиберализма, начнем с некоторых его идеологических и метафизических характеристик. Прежде всего отметим, что он претендует на сохранение положительных черт классического либерализма, главное в идеологии которого – защита свободы личности, достоинства человека, его прав, борьба с любыми формами тирании. Но псевдолиберализм унаследовал и отрицательные черты своего источника. Надо признать, что либерализм – по своей сути антихристианская идеология. В ней отрицаются Божественное бытие, онтология духовного мира. Эти реалии если и признаются верующими либералами, то поверхностно, как бы метафорически. Либерализм культивирует:

- поклонение человеческому разуму;
- идею самодостаточности человека в своей и общественной жизни (общество «атомарных граждан», живущих по принципам «контрактного мира»; интересы индивида ставятся «во главу угла»);

¹¹ Архимандрит Рафаил добавляет, что «из всех зверей наиболее похож на либерала крокодил, который, пожирая свою жертву, плачет» (Рафаил Карелин, архим., 2001, с. 166).

- свободу человека от духовных законов мироздания (заповедей Божественного Закона); добро и зло – равны;
- замену христианской нравственности правовым регулированием: человек имеет право предаваться любым аморальным действиям, если эти действия не запрещены законом;
- разрушение традиционно понимаемого соотношения прав и обязанностей;
- власть рынка, священность частной собственности, доминирование меркантильных интересов;
- унификацию человечества – ориентацию на уничтожение национальных культур, религиозно-мировоззренческих систем;
- современное идолопоклонство, выдаваемое за выражение «свободы» человека (удовлетворение искусственных потребностей, развлечения, стяжательство, погоня за плотскими удовольствиями и пр.);
- двойная мораль и двойные стандарты в общественной и политической жизни;
- идею господства элитарного меньшинства над другими народами¹².

Исходя из данных характеристик образа либерализма, легко обрисовать портрет современного российского либерал-демократа: эгоцентричный антихристианин (часто борец с Православием), презирающий «историческую Россию» и народ в современной Российской Федерации, рассматривающий страну как источник обогащения. Дополнительные штрихи к образу можно увидеть в статье Н. Конькова и А. Нагорного, к которой и обратимся (Коньков, Нагорный, 2015). В ней даны «портреты» наиболее известных представителей российского «либерального сообщества». Несмотря на очевидные провалы и катастрофические для большинства наших сограждан последствия действий пришедших к власти после 1991 г. «демократов-рыночников-либералов», несмотря на то, что их всегда поддерживало явное меньшинство российского общества, они продолжают не только считать себя «элитой», но и реально управлять страной. М. Делягин (которому принадлежит целый цикл статей по данному вопросу) помогает понять, что объединяет этих людей в гигантскую силу, определяющую судьбы и перспективы России, чем обусловлены ее победы (Делягин, 2016). Опираясь на факты советской истории¹³, Н. Коньков и А. Нагорный выделяют среди отечественных либералов-западников «уничтожителей государства Российского» и строят их обобщенный портрет. Они – безусловные сторонники «либеральных», «общечеловеческих» ценностей, трактовка которых дается «коллективным Западом». То, что исходит из этого источника, автоматически признается «либеральным» и «общечеловеческим», а все остальное – «нелиберальным», «нечеловеческим», подлежащим отрицанию, осмеянию, уничтожению. Эта зависимость отечественных либералов от источника либерализма является важным элементом в механизме формирования общественного мнения. Имеет место высочайшая сплоченность либералов. Налицо также цинизм и отсутствие моральных ограничителей. Либеральное сообщество носит паразитарные черты: оно ведет подготовку к «утилизации ресурсов» в интересах управляющего Центра с максимальной прибылью для «хозяина», в роли которого выступают структуры крупного глобального капитала. Происходит встраивание в стратегические цели мирового глобализма: фрагментацию крупных государств и формирование мирового управляющего центра, кото-

¹² Вспомним, что с XVII в. Англия отождествлялась с «библейским Израилем». Англичане считали себя «расой господ» и высокомерно отзывались о европейцах (кельты, равно как и русские, считались «низшей расой»). Понятно, что геноцид туземцев при колониальных захватах приписывался Провидению. Характеристика господства элитарного меньшинства важна для понимания всех информационно-психологических манипуляций (в частности, через умолчание знаний по этому поводу) вокруг переустройства современного мира в жестко стратифицированную структуру под прикрытием «либерал-демократических ценностей».

¹³ Авторы рассматриваемой статьи указывают, что все доморожденные «диссиденты», «перестройщики-рыночники», сегодня позиционирующие себя в качестве «либералов», в идейном отношении являются «детьми XX съезда», который ознаменовал собой отказ отечественных «элит» от альтернативного «коллективному Западу» пути русской цивилизации. «Изоляционисты» вполне предсказуемо проиграли «глобализаторам» и в рамках парадигмы 1970–1980-х годов.

рому подчиняются осколки национальных государств. Либералы – это «коллективный квазисубъект», лишенный собственной проектности, «среднее звено строителей Вавилонской башни», выполняющих задачи в рамках данного глобального проекта. Но без внешнего управления и финансовой подпитки «киборги либерализма» превращаются в нечто бесформенное. Характерной их чертой является антипатриотизм, отрицание самобытности русской государственности и культуры, антисоветизм. Неприятие России/Советского Союза происходит из-за несоответствия своим идеалам, которые могут носить самый разный характер. Но утверждается одно: страна и народ – «неправильные», «неполноценные» по сравнению с некими идеальными прообразами. В предельном варианте утверждается, что «эта страна» не имеет права на существование. Можно говорить о некой «либеральной ненависти» к стране и ее народу.

Есть еще один важный штрих к обобщенному портрету современного либерального мировоззрения, он связан с понятиями ультра- и неолиберализма¹⁴. Влияние на бизнес-элиту мира этой идеологии и вытекающих из нее психологических следствий непререкаемо. Мы видим претензии на единственную истину – философию рационального эгоизма и индивидуализма с отсутствием моральных обязанностей человека перед другими, ориентацию на отчуждение национальных ресурсов. У истоков неолиберальных идей стояла Айн Рэнд (эмигрантка из России Алиса Розенбаум, рассматриваемая многими как величайший философ XX в.).

Вот главные идеи неолиберализма, являющиеся психологическим оружием против духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Торговец – символ справедливости. Свобода – это свобода торговать. Человек – набор продаваемых и покупаемых свойств. Морально только то, что защищает стремление к личной выгоде, которое, в свою очередь, порождает свободу, прогресс и счастье человека. Врагами объявляются вера в добро и справедливость для всех, забота о ближнем, ибо все это препятствует здоровой конкуренции. Поэтому существует лишь право человека работать, если его наймут. Нет «права на справедливую оплату», если никто не хочет оплачивать работу или купить товар. Не существует прав стариков, детей и пр. Творчество, созидание – удел лишь разумных эгоистов в конкурентной среде. Отвергается любое мировоззрение, которое ставит перед человеком цели, мешающие личному комфорту. Христианский идеал самоотречения, помощи слабому, естественно, является особой мишенью для атак.

Сегодня мы видим, как сбывается социальное пророчество русской религиозно-философской мысли (это идеи Ф. М. Достоевского, представителей русской философии и богословия, в частности, Л. Тихомирова). Укажем также на идеи Ю. Эвола, согласно которому «либерализм с хорошими намерениями» неизбежно переходит в то, что я называю «либерал-тоталитаризмом». Последний воплощает известный идеал сверхчеловека, претендующего на абсолютную свободу и вседозволенность, узаконенное неравенство, рабство большинства «лузеров». Сегодня в ЕС старые структуры традиционной демократии ломаются. И для обманутых потребителей с большой вероятностью открывается выбор между окончательным словом «старой доброй Европы» (под обломками иллюзий мультикультурализма) и жестким порядком нацистского толка. Блогосфера «Всемирной паутины» полна обсуждений таких перспектив.

Надо также понимать: ультра-неолиберальные ценности не только идеологически завершают постановку государств на службу глобальному бизнесу. Налицо философско-антрополого-психологическая манипуляция. Неолиберализм, по сути, подает себя как единственная система, соответствующая *рациональной природе* человека. И здесь уместно поговорить о психоманипуляциях вокруг следующего понятия.

¹⁴ См., например, цикл статей Маринэ Восканян (Восканян, 2011).

«Гуманизм» и истинная ценность человека

Понятие гуманизма многозначно, что создает основу для психоманипуляций. В «Большой советской энциклопедии» о гуманизме говорится как о признании права человека на творческое развитие и проявление своих способностей, о благе человека как критерии оценки общественных отношений. Реально же гуманизм воплощается в коммунизме, практически осуществляясь уже при социализме. В постсоветском «Новейшем философском словаре» гуманизмом называется «мировоззрение антропоцентризма», постулирующее высшую, самодостаточную значимость человека. Постмодернизм говорит уже о «сверхчеловеке», формируя идеологию трансгуманизма и «неочеловечества», о которых мы будем говорить в главах 5, 6, 7.

Западные социальные доктрины строились на кальвинистском учении о предопределенности спасения души человека. Отсюда «гуманизм» – понятие условное (как и «античная демократия», при которой рабы в «демос» не входили). Убеждение, что люди иной культуры не являются ближними, было необходимо колонизатору. Сегодня мы видим скрытый расизм в кинофильмах¹⁵. Идеологи реформ перестройки в нашей стране, представив отношения между гражданами на Западе за всеобщий тип отношений всех людей, совершили подлог. Наивны те, кто думает, что в «правильной цивилизации Запада» отношение ко всем людям будет как к «своим» (подробнее см.: Кара-Мурза, 2000).

Исходя из особой роли духовно-нравственной сферы человека в глобальной манипуляции системой сознания (данная сфера выступает и объектом, и контрманипулятивным ресурсом), подчеркнем, что общей чертой различных «Гуманистических манифестов» является атеизм. П. Бьюкенен («Смерть Запада») называет «гуманистов» заговорщиками, которые подорвали семейные устои и культурные традиции в Европе и Америке. В Манифесте 1933 г. традиционные религии объявлены неадекватными современности. В Манифесте 1973 г. не говорится о том, что наука не смогла опровергнуть Божественное бытие. В Манифесте 2000 г. религия уже объявлена ответственной за защиту отсталых социальных институтов, за торможение научного познания и т. п.¹⁶

В противопоставление одностороннему, исключительно положительному представлению о современном гуманизме приведем интересный с духовно-нравственной и социально-психологической точек зрения комментарий к фильму «Планета обезьян: революция»¹⁷ редактора веб-проекта «Однако», публициста Виктора Мараховского (Мараховский, 2014). По его словам, в фильме представлены иллюстрация состояния постиндустриального общества и архетипы современного человека. Высказанные мысли актуальны и в связи с апокалиптическими предчувствиями, на которых играет современная глобальная манипуляция. Речь идет о выживших в глобальной катастрофе людях, которые вынуждены воевать с теми, кто не отдает ресурсы. Дикарю-обезьяне не нужна одежда, бензин и пр. «Настоящему человеку» для выживания надо больше. Поэтому войны между людьми и обезьянами не избежать. «Обезьяны» с копьями – метафорическое обозначение «незападных» народов, которые должны мирно сидеть под деревьями в гармонии с природой. Дикарь, схвативший автомат, объявляется вра-

¹⁵ В фильме «Ночной экспресс» американец провел каникулы в Стамбуле и, уезжая, решил подзаработать на контрабанде наркотиков. Но попался и оказался в тюрьме. Зритель видит страдания американца. Фильм, естественно, имеет счастливый конец – юноша убивает надзирателя и убегает из тюрьмы. Симпатии зрителя на стороне американца: просто нельзя быть в такой плохой тюрьме. С. Кара-Мурза предлагает представить в такой же ситуации турка (Кара-Мурза, 2000).

¹⁶ Среди тех, кто подписал Манифест 2000 г., были и известные российские ученые, в том числе академики В. Гинзбург и Ж. Алферов. Гинзбург, однако, не присоединился к известному протесту 139 академиков против внедрения в школы пропитанной оккультизмом валеологии.

¹⁷ После мировой эпидемии остались лишь островки цивилизации. В одном из них несколько тысяч граждан одеваются, кормятся, лечатся из запасов. Они решают запустить малую ГЭС неподалеку от города. В тех местах обитает племя полуразумных обезьян, которыми руководит вождь, сторонник мирного сидения в резервации. Но его «зам» разжигает войну.

гом человека. В. Мараховский отмечает, что «цивилизованный мир» скорбит по белым *людям*, разбившимся в «Боинге», и обвиняет во всем «русских *дикарей*» с Донбасса – «обезьян с автоматами», не замечая их гибели в больших количествах. Четко прослеживается идея о том, что партнерами Запада мы никогда не будем.

Для понимания манипулятивных возможностей гуманизма полезно знать, что современное представление о нем включает следующие черты:

- на место Бога ставится человек или научно-технический прогресс;
- происходит смена нравственных ориентиров, установка на блокирование передачи традиционных религиозных и культурных ценностей (согласно ювенальной юстиции, например, родителям, по сути, запрещается передавать детям собственные нравственные представления и ценностные ориентации);
- провозглашено требование контроля рождаемости и свободы «убийства во чреве»;
- пропагандируется «нормальность» всех сексуальных извращений, включая педофилию; предполагается отмена запрета на родственные браки, в том числе и однополые;
- утверждается право людей на эвтаназию;
- происходит унификация национально-культурных особенностей народов: государства обязаны делегировать часть суверенитета транснациональной власти, на защитников национальной культуры и государственных интересов ставится клеймо национализма.

Особое место в манипуляции современным «гуманистическим сознанием» играют *политкорректность* и *толерантность*, понимаемые мной как то, что может мешать осознанию глобальной психоманипуляции и, соответственно, противодействию ей. Иными словами, это своеобразные *блоки* в системе индивидуального и коллективного сознания. И в этом качестве данные социально-политические установки выступают уже не только как гуманистические ценности, а парадоксальным образом обретают качество информационно-психологического оружия. Любую тему можно закрыть для обсуждения под предлогом неполицорректности (ведь даже погодные предпочтения могут быть для кого-то неприятны). И уже большинство людей с этим согласится. Говорить о негативных моментах в содержании данных терминов трудно. Прикрытие солидное – человеколюбие, благие цели. Заметим также, что политкорректно-толерантная блокировка движения к адекватности социального восприятия происходит на фоне деклараций о свободе слова и иных проявлений демократичности и либерализма.

Надо знать, что термин «толерантность» появился для обозначения «терпимости» организма по причине ослабления иммунологического ответа на патогенное воздействие. Говоря обобщенно и упрощенно, речь идет о неспособности организма сопротивляться заразе. Самым толерантным является организм, умирающий от рака. Обратим внимание и на духовно-нравственное прочтение проблемы. Аналогии с толерантностью западного общества очевидны. Оно не может в своем сегодняшнем состоянии противостоять многоаспектной коррозии. Толерантность – это отсутствие удерживающего фактора против распространения деструктивных идей, культов. Социально-психологическая установка на толерантность противоположна совести, призванной указывать, что есть добро и правда, а что – зло и ложь. Полезно также вспомнить, что еще апостол Павел учил не толерантности, а, напротив, нетерпимости к греху: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6: 9–10) (Владислав Цыпин, протоиерей, 2016).

Принцип толерантности призывает принимать любые «способы проявления человеческой индивидуальности» и отказаться от «абсолютизации истины» (Декларация ЮНЕСКО, 1995). Но если снять блок в сознании, связанный с навязываемым понятием «толерантность», то мы увидим, что в предельном своем развитии она ведет к смерти свободы слова и мысли, к уничтожению нравственности. Также можно отметить, что наиболее нетерпимыми к иным

мнениям оказываются именно защитники толерантности. Например, защитники прав секс-меньшинств отказываются считаться с правом нормальных людей на соблюдение традиционных семейных ценностей.

В сборнике «Беспощадная толерантность», интересном для нашего анализа вопроса, заложена линия социальной фантастики на тему «толерантного либерального апокалипсиса» – спрогнозированы варианты общественной жизни, в которой толерантность возведена в абсолют, описаны все ее проявления, включая агрессивное нашествие иных культур. (Мы живем..., 2012).

Итак, толерантность в обществе, опираясь на идею «безгрешной вседозволенности» на фоне отсутствия нравственных идеалов, критериев добра и зла, социальных табу, может достичь уровня, при котором ее проявления станут показателями психологического и духовно-нравственного нездоровья. Обсуждение сакральных понятий, высших духовных смыслов будет запрещено. Свобода же превратится в свободу расчеловечивания, толкающую человеческую цивилизацию к самоуничтожению. Европа уже приступила к легализации педофилии, инцеста. События последних лет с мигрантами является еще одной иллюстрацией опасности толерантности для общества.

Нельзя не обозначить тему «трансгуманизма». Это не просто понятие, концепция, но социально-политический проект, масштабное международное движение, выступающее за использование НИТ для «улучшения» человека, увеличения его физических и интеллектуальных возможностей. При этом духовно-нравственный аспект проблемы уходит далеко на второй план, хотя речь идет об опасности изменения человеческой сущности, – например, утраты способности любить, сострадать. Конечной целью объявлено мифическое «бессмертие в физическом теле». В главе 6 мы вернемся к разговору о трансгуманизме.

Искажения понятий «свобода» и «права человека»

Анализом данных понятий мы завершаем рассмотрение основных взаимодействующих смысловых «игроков» в «манипулятивной герменевтике». Духовно-нравственная составляющая либеральных идей – ложное понимание сущности свободы человека, которое оправдывает «недолжное в нем», связанное с проявлением его «низшего Я» – страстей и пороков. И такая «свобода» способствует деградации, препятствует очищению внутреннего мира личности, возвышению человеческого бытия.

Для рассматриваемого вопроса большое значение имеют идеи И. А. Ильина (Гостев, Борисова, 2012). Важными характеристиками центрального понятия его философско-психологического наследия – духовной личности – выступают *дар свободы и сила личного самоуправления*. Современная психология недостаточно внимания уделяет духовным аспектам волевого акта. Но воля – это способность свободного самоопределения, сознательного выбора, способность принимать решения с точки зрения нравственных критериев. *Свобода воли* человека поэтому выражается в способности принять для себя исполнение законов духовной жизни. И в этом ключ к пониманию сущности человеческой свободы – сотворения человеком собственной жизни в соответствии с Промыслом Божиим о себе. Свобода – это способность владеть и своими страстями, и своими талантами, а также строить свою жизнь по критериям добра.

Можно выделить три основных смысла понятия свободы. Во-первых, это *понимание свободы как разрешенных социально-политических действий*. Свобода – это преодоление всего, что подчиняет человека извне (К. Ясперс). Но социальные свободы без нравственно-духовных критериев превращаются в насилие одних над другими. Возникает очевидный вопрос: как быть с тем фактом, что любую свободу можно использовать во зло? Права одних – это беззащитность других. Свобода информации приводит к праву на дезинформацию и психоманипулирование. Свобода слова позволяет очернять святыни. «Свобода ради свободы и без ограничений» стала

«наркотиком», и все большее число людей попадает в зависимость от него, обретая сущностную несвободу. При «внешней безбожной свободе» конкретный человек растит в себе зло, которое выступает разрушительной силой для человечества. Прогресс становится регрессом, цивилизация – одичанием, свобода – деспотизмом. Сегодня, однако, подобные перевертыши скрыты двойными социально-политическими стандартами.

В этой связи следует отметить некоторые полезные психологические идеи, касающиеся последствий трансформации человечества в постсекулярный мир. В работах А. И. Неклесса (см., например, Глобальное сообщество..., 2002) подчеркивается, что секулярность ограничивает власть традиции над человеком, утверждает автономность от традиционалистской конфессиональности, дает человеку статус свободной личности. Но секуляризация – следствие воздействия библейской веры на мировую историю (Ф. Гогартен), которое дало «представительную демократию», национальное государство, породило левые идеологии, представление о государстве как о политической машине и взгляд на личность как на «винтик» в ней. Сегодня же классовые, национальные перегородки перестраиваются; происходит революция элит, на историческую арену выходит третий мир, реабилитируется метафизическое измерение бытия. И традиционная светскость «раскалывается», расчленивая привычные представления. Постсекулярность проявляется в альтернативной социальной практике, массовой индивидуализации на фоне неоархаизации сознания, в идеях постчеловечества и трансгуманизма, в перспективах «киборгизации» тела и интерактивной техносферы и пр. Все это является реакцией на разрушение представлений о прогрессе и «исходно добром» человеке, ответом на моральный релятивизм, деградацию культуры. Став свободнее в выборе ценностных ориентиров, люди переживают крушение мироустройства. Происходящее активизирует темную сторону человеческой природы. Мир, отмечает А. И. Неклесса, пребывает в ожидании самовосстановления человечества, которое, однако, может закончиться инволюцией.

Показательно, что оруэлловские романы «1984» и «Скотный двор» стали реальностью в странах либерал-демократии. Эдвард Сноуден продемонстрировал, что в США нарушаются права человека, связанные с неприкосновенностью личной жизни. Ответ же мировой общественности показал, что свобода и права человека остаются для людей ценностью. И вызывает удивление реакция на это «пятой колонны» и даже представителей спецслужб у нас в стране. На телевидении можно было видеть, как некоторые ведущие шоу иронизировали по поводу поступка Сноудена, объясняя его личными проблемами и психопатическими особенностями, а сам Сноуден представлялся «изменником родины и ее спецслужбам».

Также отметим, в принципе, известное: в случае войны или чрезвычайной обстановки в стране президент США получает неограниченные полномочия в осуществлении жесткого контроля над жизнью общества и государства. «Американской мечте» противоречит отсутствие социальной справедливости. Государство не обеспечивает равные возможности; окончание же элитных школ и университетов гарантирует карьеру. Чрезвычайные полномочия могут быть запрошены уже в преддверии предчувствуемых событий. Джордж Сорос указывал, что с ростом недовольства в обществе неизбежны бунты в американских городах. И это станет поводом для «закручивания гаек», использования грубой силы для восстановления порядка, появления репрессивной политической системы. Не совмещаются со «свободой» и вмешательства в дела суверенных государств под флагом несения им «демократии и свободы».

В связи со сказанным особую актуальность приобретают трактовки свободы с духовно-метафизических позиций.

Свобода человека в самоопределении между добром и злом. Никто не властен над такой свободой, даже Бог, создавший человека со свободой воли и возможностью отпадения от Него. Римо-католический архиепископ Лефевр, не принявший новаций Второго Ватиканского собора, считал, что свобода существует, чтобы повиноваться Богу, но из нее хотят сделать

нечто абсолютное, безотносительное к чему бы то ни было. И это приводит к разрушению семьи, Церкви, религиозных сообществ (см.: Грачева, 2010, с. 216–217).

Еще одно прочтение понятия свободы – *духовная свобода как власть человека над собой*. Только преодолевший «рабство страстям» становится истинно свободным человеком.

Вопросы свободы в первых двух аспектах имеют смысл только при наличии свободы от страстей и греха. В целом же *свобода должна заботиться о благе другого человека* – вот ключ к пониманию того, чем должна быть свобода в ее многоплановости. Только те права человека могут быть признаны выразителями добра, которые искореняют эгоизм и способствуют произрастанию в людях любви к Богу и ближнему. Для психологической науки полезной представляется православная мысль о том, что там, где свобода становится идолом, там начинается «человек-зверь», а свобода превращается в узаконенное орудие зла.

И. А. Ильин раскрывает именно духовное понимание свободы. Он говорит, что *свобода по существу своему есть именно свобода духа*. Каждый человек призван к такой свободе. Он должен превратить свой земной путь в непрерывное духовно-нравственное очищение, сделать свой дух главным, определяющим фактором и «свободным двигателем личной жизни». Свобода, отмечает И. А. Ильин, не дана человеку как абсолютная независимость от всего, но *задана ему* как возрастающая независимость от зла и пошлости (анализ психологического наследия И. А. Ильина см.: Гостев, Борисова, 2012). Поэтому человек, утверждая свою свободу, должен «допросить себя о своей духовной зрелости», проявляющейся в том числе в чувстве ответственности.

Итак, в условиях манипуляции системой сознания «свободное открытое общество» является мифом в указанном в предыдущих разделах смысле. Иллюзорный компонент данного мифологического представления – иллюзия свободы – обладает, тем не менее, пока достаточной силой, чтобы на нем строилась пропаганда западных ценностей. В то же время растет число тех, кто более адекватно воспринимает реальность и понимает, что речь может идти лишь об относительной свободе для «избранных». Однако еще недостаточно осознается, что свобода порока и нравственного разложения свободой не является. Следующий раздел посвящен еще одной грани темы свободы.

1.6. Иллюзорная свобода информации в СМИиК

Во Введении уже отмечалось, что свобода информации в мире искажается психоманипулятивными принципами (и системой соответствующих приемов) *умалчивания* и «*дозированной правды*», вызывающими у человека иллюзию полной или хотя бы достаточной информированности. Это освобождает вольных или невольных манипуляторов от уличения во лжи: ее нет, а есть только частичная правда по обстоятельствам. Но когда невозможно скрыть, изъять, уничтожить опасную информацию о некоей ситуации, в информационный оборот вбрасывается огромное количество правдоподобной ложной информации, проверка которой потребует слишком много времени и сил. Вихрь аргументов и контраргументов захлестывает сознание, блокируя адекватность социального восприятия.

Но потребитель информации имеет право знать о последствиях ее потребления: о возможности стать зависимым от «информационного наркотика», – ведь любая зависимость лишает человека свободы.

С. Кара-Мурза показывает, как тезис о свободе распространения информации обслуживает интересы заказчика психоманипуляции (Кара-Мурза, 2000, с. 254–259). И государство, чтобы не стать соучастником заказа, должно найти формы приемлемого контроля над идеями, образами и пр., циркулирующими в обществе, не боясь *обвинения в цензуре*, – апробированного оружия в информационно-психологических войнах современности. «Свобода слова» на Западе, отмечает он, была философской категорией. Свобода информации предоставляется только в той мере, в которой у власти есть уверенность в силе психоманипуляции и сохранении контроля над политикой информационно-психологических компаний. Позиция Сербии по косовской проблеме не освещалась в западных СМИиК или освещалась искаженно. Позиция России по грузинским (2008 г.) и украинским событиям (2013–2015 гг.) также не доносилась до аудитории. Далее в тексте читатель найдет много данных по умалчиванию информации.

Принцип умалчивания и дозирования правды устраняет проблему правды-лжи в планетарной и государственной имаго-символосферах в том смысле, что люди становятся зрителями «виртуальных спектаклей» с запрограммированным отношением к событиям с позиции политкорректного обывателя-потребителя. Но мир политизируется, и надо видеть, как при кажущемся разнообразии информационно-психологических воздействий внушается набор главных социально-политических установок, предлагается по сути одна версия, подаваемая через разные образные решения. Различие же политических взглядов конструируется для создания образа «демократичности» и «свободы информации».

Для подобных целей используются различные приемы. Образ события формируется отбором информации и помещением ее в нужный контекст, он искажается неточностями, рекламой, комментариями, сменой сенсационных тем. Неким сообщениям придается повышенная важность, но «в нужное время» тема почему-то вдруг исчезает. Повторение образов в различных версиях и контекстах/ дискурсах не только дает «чувство очевидности», но возводит психологический барьер против иных точек зрения. Фрагментация проблемы, абстрагирование от каких-то значимых ее аспектов затрудняет создание ее целостного образа. Используется также и следующий принцип: факты, противоречащие интересам «заказчика», не умалчиваются или показываются скупом. Так, информация об убийстве священника в Польше в период холодной войны была в 140 раз ценнее информации об аналогичном случае в зоне влияния США (Кара-Мурза, 2000). Элементы массмедийного спектакля обычно ложью не являются, а потому трудно предъявить претензии к итоговому продукту. Имеет место и сознательная дезинформация, работающая на «нужную объективность».

Отсутствие реальной свободы информации на Западе становится все более очевидным. Российскому англоязычному телеканалу RT (по признанию британских СМИ, это единствен-

ный источник альтернативной информации для зарубежной аудитории) неоднократно давали предупреждения за отсутствие «беспристрастности» при освещении событий на Украине. Предвзятость же со стороны BBC не замечалась. На Западе любую альтернативную точку зрения о России называют «пропагандой». В целом не признаются двойные стандарты в информационной политике, а тем более то, что они являются искажающими правду фильтрами.

Главные мировые СМИиК (агентства новостей, телеканалы, сетевые ресурсы и т. д.), не являясь свободными в порождении информации, формируют свою реальность: чего нет в мировых массмедиа – того в ней не существует. Создается фиктивный мир, на который люди реагируют как на реальный (мы уже приводили эту мысль Э. Тоффлера). Подконтрольность мировых СМИиК – тема отдельного разговора в других главах, в которых мы будем говорить о субъектах информационных воздействий, в частности, о роли непубличной политики, влияющей на формирование мировых новостей.

Джульетто Кьеца отмечает (см.: Кобзев, 2016; Панкин, 2014), что объективных сведений о происходящем в мире люди на Западе почти не получают. Новости подаются тенденциозно, российская точка зрения или не представлена, или сфальсифицирована. Он выражает сожаление об отсутствии на Западе информационных каналов, доносящих версию о мировых событиях глазами России. Между тем, уровень фальсификации при освещении украинских событий превзошел времена «холодной войны». Все СМИиК создают образ России как агрессора, а Путина ставят в ряд «зловещих диктаторов» (Милошевич, Хусейн, Каддафи и пр). Многие итальянские газеты писали, что сожжение людей в Одессе было организовано русскими. Кадры, снятые в Одессе, которые помогли бы понять произошедшее, не показываются. В результате 95 % итальянцев уверены, что Россия хочет захватить Украину. Журналисты мало осведомлены об истории Украины, ее тесных отношениях с Россией, а также о том, что значительная часть граждан Украины – это этнические русские. Депутаты итальянского парламента не усматривали роли США в украинских событиях. Не поднимается вопрос о закономерной реакции России на возможное вступление Украины в НАТО. Но интересно, что среди населения настроения гораздо менее русофобские, чем следовало бы ожидать, судя по информационным атакам СМИиК.

Дж. Кьеца указывает на важные элементы механизма координации западных СМИиК. Когда в России или в связи с Россией в мире происходит что-то важное, массмедийный плюрализм заканчивается и американская, английская, французская, германская пресса начинают повторять один и тот же набор тезисов, «фактов», комментариев. При этом важно, что свобода информации в определенных темах кончается и без указаний сверху. Журналисты, исходя из глобального геополитического информационного контекста, сами догадываются, что нужно говорить, писать, показывать. Они понимают, что неправильное освещение некой ситуации опасно с финансовой и карьерной точек зрения. И это очень интересная для социальной психологии информация, ибо она говорит о *непроизвольном формировании социальных установок, общих представлений работников СМИиК в некоем условном «поле единомыслия-единочувствия» под влиянием сложившихся стереотипов* относительно чего-либо. В данном случае мы имеем в виду Россию, и здесь следует отметить русофобские установки западного и прозападного (в незападных странах) сознания. Неформальный «центр», который задает тон для всех мировых СМИиК, есть, и он состоит из газет «New York Times», «Washington Post», телеканала CNN, британского информагентства «Reuters» и американского «Associated Press». Все иные версии объявляются маргинальными. Непроизвольное формирование «международного журналистского единомыслия», конечно, не исключает и влияния различных форм давления со стороны владельцев телеканалов, газет, в соответствии с их информационной политикой. Это давление может быть «мягким» и политкорректным, вписывающимся в идеалы «свободы слова». Но оно может требовать «писать по заданию редакции» или быть «настоятельной рекомендацией». Важным источником информации служат сообщения в соцсетях и ролики на

Youtube, но многие из таковых создаются спецслужбами, о чем и не догадываются большинство пользователей интернета.

Перейдем к следующей важнейшей макротеме в раскрытии многоаспектности глобальной психоманипуляции.

Глава 2. Воздействие многоликих экранных образов

Исследуя закономерности манипуляции внутренним миром личности, следует отметить особую роль воздействия – непроизвольного и преднамеренного – на образную сферу человека (Гостев, 2008, 2010, 2012б, в, 2014а). Действительно, учитывая масштаб воздействия на людей именно образной информации, изучение образной сферы человека как канала психоманипуляции является высоко актуальным, теоретически и практически значимым. В эпоху текстовой информации как основного канала получения знаний внутренний мир человека опирался на *читаемое*. Печатное слово приводило к образам, но это были образы воссоздающего воображения (отражающие идеи авторов печатного текста), проекции собственных представлений о мире, фантазии, мечты. Экранное воздействие сегодня дает мгновенную передачу готовых образов, порождает эффект непосредственного свидетельства, присутствия в неких ситуациях, сценах из жизни. Мы часто фиксируем агрессивное влияние навязанных образов имаго-символосферы на внутренний мир человека, факты его принуждения к пассивному восприятию реальности.

Любой образ, порожденный человеком или извне попавший в его внутренний мир (через сознание или минуя его), «оседает» в нем, взаимодействуя с психикой, участвуя в регуляции жизнедеятельности, «материализуясь» в общественной жизни. И в этой связи хочу сразу отметить один важный момент: я буду преднамеренно акцентировать негативную сторону воздействия экранных образов. Позитивные примеры подобного воздействия, естественно, тоже существуют, и я признаю эти аспекты проблемы. Несомненно, телевидение информирует и помогает отдохнуть и расслабиться, хорошие художественные фильмы расширяют культурный диапазон человека, советские мультфильмы признаны прекрасным средством нравственного воспитания детей, интернет объединяет мир, «некроавые» компьютерные игры способны развивать внимание и повышать скорость реакции, «мобильник» может спасти человеку жизнь. Об этих положительных сторонах воздействия многоликого экрана и в психологии, и на уровне здравого смысла мы знаем больше. Об отрицательных же сторонах влияния экрана известно меньше. Данный аспект в определенной мере недооценивается, в частности, потому, что общая проблема психоманипуляции, ее механизмов, отрицательных последствий для личности нуждается в своем более глубоком научном осмыслении. Вот причина, по которой основное внимание в книге будет уделено именно *деструктивному экранному воздействию*.

Итак, прежде всего важной задачей видится изучение проблемы осознания человеком факта манипуляции его внутренним миром посредством образов, взаимодействующих в имаго-символосфере общества. Современный человек живет в виртуальной реальности, порожденной СМИ, рекламой, компьютеризацией, «интернетизацией» и т. д., «обволакивающей» его образами, символами. Через произвольно и непроизвольно усваиваемое содержание образов происходит манипулирование. В символах, в образах отображен некий объект/прообраз (символизируемая сущность), и за образным опытом стоит реальность, в том числе – отрицательные личностные деструктивные духовные смыслы/сферы. Поэтому уже обозначенная нами идея о «войне образов» в имаго-символосфере, о противостоянии и борьбе сил, стоящих за семантикой образов, является одной из стержневых тем данной монографии. Именно она раскрывает вопрос о психоманипуляции как «информационно-психологическом оружии».

Воздействие имаго-символосферы социума следует изучать в контексте многоплановой «информационной экранной зависимости» – готовности к психологическому «погружению в экран», которая, по мнению многих специалистов, может быть уподоблена социально-психологическому наркотику (Акопов, 2008; и др.). Через Экран, отмечает А. Ю. Акопов, человек с удовольствием «подглядывает за миром», строит псевдо-реальный мир, позволяющий в иллюзиях изживать страхи, тревогу. Экран есть полотно, на котором, благодаря нашей фантазии,

воображению, видовой и индивидуальной памяти, ассоциациям, отождествлению, переносу, проецируются виртуальные образы (там же, с. 135). Идея о взаимодействии перцепции, социальной фантазии и образов архетипического содержания очень важна для понимания экранных манипулятивных воздействий, ибо это взаимодействие уводит сознание человека от реального и приводит к субъективному чувству расширения познаваемой реальности. Говоря о «фантастическом реализме» виртуальных образов, следует иметь в виду их роль в упорядочивании «социально-шизофренического хаоса» современной действительности, в формировании картины грядущего или образов глубокой древности.

Перейдем, однако, к разговору об основных «экранных манипуляторах».

2.1. Образы телевизионной продукции

Психоманипуляция средствами телевидения основывается на любви и привязанности людей к телеэкрану. Он расширяет представления о реальности, показывает мир за пределами непосредственного опыта, «развлекает». При этом человек не всегда задумывается о том, что телевидение претендует на законодателя «правильного мировоззрения»: формирует социальные нормы и стереотипы восприятия, идеологические ценности и установки обыденной жизни. Поэтому и среди исследователей телевидения, и у простых телезрителей крепнет мнение, что в целом оно играет отрицательную роль в обществе. Достаточно задаться вопросом: каков процент непосредственной и правдивой информации на телевидении?

В данной главе мы поговорим о многомерном влиянии, которое оказывает телевидение на человека. В оценке этого влияния будем опираться на аналитические обзоры уже упомянутых авторов, – В. В. Латынова, А. В. Юревича и Ф. О. Марченко.

Конкретизируем прежде всего сказанное во Введении об активности/пассивности человека как объекта информационно-психологического воздействия. Сторонники *теории активной аудитории* считают, что зрители активно перерабатывают телевизионную информацию, поэтому эффекты телевидения ограничены, иногда минимальны. Зрители могут, например, влиять на некоторые телепередачи (голосованием в прямом эфире, звонками в студию и пр.), стать участником программы, в частности, в роли эксперта. СМИиК становятся средствами индивидуальной информации/коммуникации. Понимание СМИиК как «средства массового поражения» подобные подходы к теме стараются представить устаревшим, отражающим мировоззрение эпохи «холодной войны». Но сегодня уже ясно, что эта надежда преждевременна. Информационно-психологические войны не только никуда не уходили, но разгораются с новой силой и на новых уровнях. Телевидение, по меткому сравнению С. Кара-Мурзы, снова превращается в «особую спецслужбу», ведущую войну против сознания соотечественников.

Сторонники *теории пассивной телевизионной аудитории* подчеркивают: реакции и поведение зрителей *зависят* от замысла авторов телепрограммы, которые манипулируют аудиторией, побуждая имитировать чуждые им модели поведения. В предельном выражении аудитория становится «жертвой» обмана и злонамеренных действий со стороны заказчиков телепродукции. Отрицательная роль телевидения проявляется и в понятии «мейнстриминг», которое обозначает унификацию представлений телезрителей о мире под воздействием СМИиК. Отметим наличие эмпирических подтверждений того, что чем больше человек смотрит телевизор, тем ближе его представления о действительности образу мира, показываемому телевидением, т. е. тем больше виртуализация реальности. «Телеманы» не случайно более подозрительны, считают мир полным опасностей, преувеличивают масштабы преступности в обществе (заметим попутно, что подобные «культивационные эффекты» могут порождаться и компьютерными играми). Значимым оказалось время просмотра программ определенного жанра. Сконцентрированный просмотр теле- видео- и кинопродукции одного и того же жанра (например, детективов) усиливает деструктивность воздействия.

Широкое влияние телевидения отмечают и приверженцы других теорий информационных воздействий на человека, о которых говорилось во Введении. Эти теории покрывают весь возможный спектр вариантов телевизионного воздействия. Важно, что в целом не сложилось однозначной концепции поведения телевизионной аудитории. Но на основе разных подходов можно выделить поведенческие типы телезрителей (Юревич, Марченко, 2012, с. 122–123)¹⁸.

¹⁸ Это может быть: пассивный реципиент, который будет смотреть все, что ему предложат; наивный адепт, который будет поступать так, как демонстрирует ТВ; «аддикт», который не может прожить и дня без ТВ; фанат, смотрящий все с участием любимых телезвезд; заинтересованный, отвечающий на вопросы телеведущих; активист, стремящийся лично участвовать в программе, чтобы высказаться; «игрок», также стремящийся лично участвовать в программе, дабы стать телезвездой или

Зрители различаются по стилям телеповедения. Эти стили обусловлены следующими факторами: представлением зрителя о месте телевидения в жизни общества, уровнем его культуры и образованности, ролью телевидения в его жизни, степенью критического отношения к телепрограммам, предпочтениями зрителя (любимые каналы, темы, программы, жанры, фильмы, ведущие), силой идентификации с участниками программ, особенностями телесмотра – развлечение (лежа на диване), фон (во время обеда), информирование (внимательный просмотр новостей или научно-познавательных программ).

«Телеповедение», включающее реагирование человека на содержание программы до, во время и после просмотра, следует отличать от «телесмотра» как процесса зрительского выбора, управления каналами во время просмотра телепрограммы. Объектом анализа становятся стили *телесмотра*: фоновый и сосредоточенный, непрерывный и «клиповый». Человек может быть занят чем-то своим на фоне работающего телевизора, а может сконцентрировать внимание на содержании телепрограммы. Прямые трансляции со спортивных чемпионатов, например, у многих вызывают полную включенность в экранное событие. При *клиппинге* программу смотрят урывками, переключаясь на другие каналы или отвлекаясь на иные виды деятельности. Разновидностью клиппинга выступает *сёрфинг* – плавное скольжение по каналам. Появился и *заппинг* – одновременное смотрение нескольких программ на разных каналах. Продолжительный одновременный просмотр двух программ длительного формата получил название *флиппинга* (Юревич-Марченко, 2012, с. 124).

Для осмысления телевизионного воздействия отметим актуальность изучения видов телевизионного дискурса (ток-шоу, телебеседы, предвыборные дебаты), которые различаются по своим интенциональным характеристикам и приемам речевого воздействия (Григорьева, Павлова, 2012, 2014). Показано, что интенциональную структуру телевизионного дискурса определяют четыре основные направленности субъектов общения: на себя, на ситуацию, на зрителя и на героя передачи. Каждая из этих направленностей представлена совокупностью конкретных интенций: осуществить самопрезентацию, привлечь внимание, проявить отношение, побудить к действиям и др.

Итак, отсутствие единой теории воздействия телевидения на аудиторию не дает оснований говорить об аудитории как о единстве зрителей с устойчивыми социально-психологическими характеристиками и одинаковым типом реагирования. Сложные процессы взаимодействия телевидения и аудитории не могут быть описаны с помощью упрощенных бихевиористских (прямое воздействие) и когнитивных (отсроченное воздействие) схем. Следует делать акцент на опосредованном воздействии телевидения на активную и компетентную аудиторию.

Зрительская аудитория отличается динамичными и неустойчивыми характеристиками, что приближает их анализ к условиям полевых наблюдений. Зритель получает возможность все большего влияния на телевидение, начиная от игнорирования и заканчивая созданием своих телепроектов в интернете (Юревич, Марченко, 2012, с. 126–127).

Желательно без «розовых очков» видеть виртуализацию реальности телевидением и ответить на следующие вопросы:

– Не воспринимается ли некоторыми телезрителями как реальность только то, что отражено или сотворено «системой ТВ» (совокупностью традиционного официального и индивидуально подобранного телевидения)?

– Народы по-прежнему видят одни и те же «картинки событий в мире», смотрят похожие сериалы и т. д. Насколько это способствует унификации человечества, уменьшению потенциала национально-культурного разнообразия?

выиграть приз; скептик, ничего серьезного не ждущий от ТВ; критик, смотрящий телевизор, чтобы получить подтверждение своему пессимизму; борец с ТВ, считающий (по различным причинам), что все зло в мире от ТВ; представитель определенной телеаудитории; пользователь, формирующий свое индивидуальное теле-смотрение.

– Насколько телеэкран является «жевательной резинкой для глаз»?

Телевидение продолжает захватывать внутренний мир человека, делать подконтрольной его образную сферу в целом (телеобразы – материал для воображения, сновидений, искажения образов памяти и пр.), создавать искусственные понятия, ценности, подрывать способность адекватно воспринимать социальную реальность. Телевидение не перестает стандартизировать сознание, психотизировать человека. Зрительные и слуховые образы телеэкрана по-прежнему бомбардируют человека, приучая его к насилию, разврату и магическим обрядам. Телевизионные образы остаются предметом подражания для миллионов людей, и подобные суггестивные модели создаются на основе образов аморального, бездуховного содержания. Телевидение не перестало быть самым сильным средством распространения «массовой культуры» и, соответственно, псевдодуховности. Православные авторы в оценке телевидения могут продолжать подчеркивать, что оно остается проводником антихристианских идей, социальных установок, оценок. Как не вспомнить известное изречение многих современных православных священников: «Телевизор в доме – нет благодати в семье». Еще в 1960–1970-е годы преподобный Амфилохий Почаевский отмечал, что после просмотра телевизионных программ человеку не хочется молиться. А афонский старец Паисий Святогорец «духовными очами» видел, как устами ребенка говорят «телевизионные бесы» (Паисий Святогорец, 2011).

То, что телезритель стал более активным и тем самым получил большую возможность сопротивляться психоманипуляции, не перечеркивает фактов негативного влияния телевидения. *Телеэкран для современного человека не перестал быть конструктором-программистом картины мира, образа мыслей, переживаний и поведения.* Телевидение остается самым мощным политическим манипулятором – средством внушения и убеждения масс, формирования взглядов людей в нужном направлении. Поэтому остановимся на ряде вопросов, которые должны оставаться в зоне внимания социальной психологии СМИиК.

М. Маклюэн в 1955 г., с восторгом говоря о телевидении, указывал, что важно само действие телевидения на подсознание и сферу чувств человека. Но уже в 1974 г. он заговорил о том, что телевидение постепенно уничтожает цивилизацию, и призвал устранить телевизор из повседневной жизни (Маклюэн, 2014). Он говорил о «магическом очаровании» телеобраза, который подобен рыболовной сети, опутывающей зрителей тончайшими ячейками. Телевидение – это самое сильное средство, «заражающее» людей, «очарованных пустотой». В 1970-е годы мнения, что телевидение изменило людей более глубоко, чем можно было предположить, что оно разбивает американскую нацию, насаждая отчужденность в семьях, звучат и из уст других исследователей (Латынов, 2013; Юревич, Марченко, 2012).

На телевидении лежит ответственность за обслуживание гедонистических, агрессивных, потребительских установок современного человека. Достаточно указать на навязывание образа насилия как средства достижения успеха, особенно если насилие встраивается в контекст искаженного представления о добре и зле. Масштабы образов агрессивного содержания провоцируют не только агрессивное поведение людей в реальной жизни, но нагнетание чувства страха. Демонстрация насилия по телевидению (подробностей убийства, издевательств, аморальных действий и т. п.) порождает у людей гремучую смесь страха и агрессии, что уменьшает число факторов, сдерживающих агрессию, притупляет их чувствительность к агрессии. А. В. Юревич и Ф. О. Марченко говорят об особой остроте проблемы влияния насилия на экране на детей (Юревич, Марченко, 2012; Ениколопов, 2002). Телевидение, разрушая координаты морали, помогает субъективно не видеть нарушения нравственных норм, не чувствовать «усыпления» совести. Люди видят тысячи убийств, на человека обрушивается поток образов катастроф и т. п. – и постепенно растрачивают сострадательность, становятся равнодушными к проявлениям зла. Неудивительно, что многие преступления являются имитацией увиденного на экране. Человек же, привыкший к политическим и «желтым» сенсациям, к показу жестокости,

похотливости, осознанно и неосознанно испытывает постоянную и все возрастающую потребность в образах такого содержания, ищет показа «новых видов аморальности» (Кара-Мурза, 2000). Людям демонстрируется то, что они видеть не должны по нравственным соображениям. Телевидение, указывает С. Кара-Мурза, нарушая социально-этические нормы и используя подобные образы в политических целях, вводит зрелище смерти в каждый дом.

Вспомним, как в 1990-е годы на телевидении демонстрировали работу похоронной команды в Чечне – кадры с растерзанными телами (цинично перебиваемые рекламой), позирирование репортеров перед убитыми солдатами российской армии, репортажи об идентификации тел погибших... На показе смерти настаивают рекламодатели, ибо «комплекс танатоса» возбуждает интерес зрителей (там же, с. 261). Телевидение может показать агонию человека, детей, умирающих от голода. С. Кара-Мурза отмечает, что в США баснословно прибылен показ смерти в прямом эфире. Подчеркнем также, что многие «хэппенинги» и «флешмобы» также работают на разрушение этических и эстетических норм. Телевидение узаконило англо-язычный и воровской жаргон, сквернословие (например, на MTV).

Телевидение-манипулятор опирается на внушение. Популярность Кашпировского, в частности, являлась ярким свидетельством силы внушения с телеэкрана. При трансляции образов жестокости, разврата и других проявлений безнравственности человека именно через механизмы суггестирования и идентификации телезрители подталкиваются к нарушению моральных запретов, увлеченные авторитетом своих кумиров. К тому же, как правило, телевизионное внушение происходит на фоне ослабления воли и внимания, поскольку телевизор в основном смотрится после работы усталым человеком – в состоянии расслабленности и часто в темноте.

Отметим, что телеэкран обладает удивительной способностью «стирать» различие между правдой и ложью. Дефицит нормального человеческого общения усиливает эффект: человек как бы раскрывает перед экраном свою душу, находит в нем кумиров и начинает им подражать (включая в том числе и резонанс «низшего Я»). Вспомним, что отечественный философ В. С. Соловьев указывал: исходным нравственным отношением является отношение к инстинктивным отправлениям, чувство стыда. Далее идет сострадательное отношение к другим людям. Вершина нравственного отношения – благоговейное отношение к Богу и высшим ценностям. В телевидении мы можем найти разрушение ценностей всех трех порядков. Мы видим идею достижения успеха любой ценой. Убийцы героизируются, а жертвы показываются жалкими существами. Более того, на телевидении есть даже передачи откровенно демонического содержания (Сапунов, 2001, с. 64–65). Особая роль в создании телевизионной аморальности принадлежит *массовой антикультуре*, задающей моду на вульгарность, пошлость, на уродливое, на проявления психопатологии. Понятен эпитет «безобразная культура», т. е. лишающая человека образа Божьего.

Самый сильный удар телевидение наносит по детям, воспринимающим телесобытия как реальные (см., например: Сергиенко, Таланова, Лебедева, 2013). Даже шутливое подражание злобной мимике с экрана влияет на маленького человека. Чувства ребенка начинают двигаться по руслу, проложенному идентификацией с телеэкранными образами. И. Я. Медведева и Т. Л. Шишова подчеркивают, что современная «идеальная» модель подростка, формируемая СМИиК, такова: потенциальный потребитель наркотиков с агрессивным отношением к обществу и его нормам (Медведева, Шишова, 2012). В целом, данные авторы отмечают, что образы именно людей с психопатологиями транслируются телеэкраном как примеры для подражания. Психологи и педиатры указывают, что ранний просмотр даже вроде бы безобидных детских телепередач негативно сказывается на развитии ребенка. Например, доказано, что у детей, часто смотрящих телевизор, замедляется речевое развитие (Абраменкова, 2008). Перегрузка и искажения зрительного восприятия бьет по сенсорным системам, психическим про-

цессам и функциям. Ребенок приучается познавать не объемный трехмерный мир вокруг него, а плоскостной телеэкранный.

Информация о ворах, убийцах, насильниках, гомосексуалистах, наркоманах и подобных им персонажах записывается в душе ребенка. Идентифицируясь с убийцами, например, ребенок усваивает агрессивные модели поведения, причем научается испытывать торжество и наслаждение от боли другого. В экспериментах А. Бандуры показано, что после наблюдения агрессивных сцен по телевидению дошкольники начинают вести себя агрессивно, причем дополняя поведение фантазией. Примеры тому я приводил в своих работах (Гостев, 2007, 2008).

Возведение садизма в модель для подражания следует рассматривать как эффективную психотехнологию, программирующую ребенка на разрушение еще даже не осознанного «человеческого в себе». В итоге дети даже из благополучных семей оказываются недоразвитыми в нравственном плане. Подростковая имаго-символосфера формирует отрицание традиционных ценностей, ориентацию на девиантное, преступное поведение. Есть корреляции между количеством проводимого в детстве перед телевизором времени и склонностью к асоциальному поведению во взрослом возрасте. Если проводимое каждый день перед телевизором время увеличивается на час, то риск проблемного поведения возрастает на 30 % (Абраменкова, 2008).

Но личностная деградация – невротические страхи, подростковая жестокость, наркомания, другие виды антисоциальной направленности – только видимая часть психического неблагополучия, приобретаемого через телевидение. Есть опасность и физического вырождения через то, что можно назвать «духовно-нравственной психосоматикой: «недолжное в человеке» неизбежно воплощается в его телесной организации.

Дадим лишь несколько иллюстраций к сказанному. К лидерам эффективной «подзарядки» подростков сексом, наркотиками и алкоголем следует отнести MTV. Отметим и канал «2x2», на котором, в частности, 21.05.2008 был показан кощунственный мультфильм «Mr Hankey's Christmas Classics» (сериал «Южный парк»), глумившийся над религиозными чувствами христиан (Старикова, 2009, с. 104). В мистическом сериале «Ангел или демон» подростки занимают сторону демонов, которые воспринимаются ими как герои (на роль «демонов» подобраны привлекательные актеры). В фильме мы видим, как соперник брошен под поезд метро, как зарезаны родители старшеклассницы, не пустившие ее на вечеринку.

Примечательно, что телевидение изначально понималось как достоверный информатор о событиях (Саптак, 1988). Считалось, что оно дает изображение «подлинной реальности», и «репортажность», соответственно, была его стержнем. Это создало образ телевидения как «доверительного собеседника». Данная социальная установка усилила воздействие телепередач. Однако сегодня экранный образ может иметь с действительностью очень мало общего. Тем не менее, он продолжает восприниматься как «объективное» ее отображение. Телевидение позволяет создавать любые версии происходящего. Установка на достоверность «событий с экрана» питает нескритичность их восприятия телезрителем, усиливая психоманипулятивный потенциал телевидения.

Доверие телеаудитории усиливается феноменом «рентгена характера»: возможностью телекамеры вскрыть и показать зрителю психологические особенности телегероев, подчас глубинные характеристики внутреннего мира личности. Но сегодня проявление «рентгена характера» осложнено и смазано успехами имиджмейкерства. Например, у зрителя может возникнуть иллюзия показа ему внутреннего мира телегероя, скрытых черт характера. Именно на этом и будет строиться манипуляция. Отметим также деструктивную роль «достоверности» в различных телеиграх, и особенно в «реалити-шоу» вроде «Дом-2», основанных на подглядывании за удовлетворением низменного в человеке, за эксгибиционизмом и цинизмом участников. Подобные телепередачи работают также над формированием у человека спокойного отно-

шения к постоянному социальному контролю за ним, к жизни на виду у «Большого брата» (об этом мы поговорим в главе 5).

Манипулятивное телевизионное воздействие усиливается конкретными приемами, например: соединением репортажа с видеозаписью, не связанной с ним¹⁹, со специальным речевым и звуковым сопровождением видеоряда, способным создать желаемый контекст²⁰; прерыванием видеоряда (репортаж о теракте, прерванный рекламой, уменьшает способность отделять «информационную шелуху»); последовательностью подачи информации (задаваемой телережиссером); различными невербально-коммуникативными приемами (интонация, мимика, паузы и др.); теле-монтажом. Можно применить операторское искусство (например, при съемке снизу человек выглядит чванливо). «Особенности техники и субъективные позиции операторов, режиссеров, художников и др. существенно влияют на конечный результат изображения действительности или трансляцию того или иного сообщения. Опытные операторы хорошо знают цену утверждения, что телекамера сама „отражает мир“. Камера снимает то, что хочет снять оператор», – подчеркивает Б. М. Сапунов (Сапунов, 2001, с. 51). Причем, добавим от себя, часто она акцентирует какие-то неосознаваемые оператором детали репортажа.

¹⁹ Когда в 1996 г. между США и Китаем возникла напряженность, комментарии западных телеведущих и кадры с американскими авианосцами стали сопровождаться зрелищем расстрела наркоторговцев в КНР.

²⁰ Текст, читаемый диктором, воспринимается истинным, если дается на фоне образов, снятых «на месте событий» (даже если видеоряд не связан с текстом). Комбинация обрывков высказываний и визуальной информации способна изменить контекст используемых образов и их комментариев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.